

**МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. ЛОМОНОСОВА**

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

**ЯЗЫК
СОЗНАНИЕ
КОММУНИКАЦИЯ**

Выпуск 45

**МАКС ПРЕСС
Москва
2012**

УДК 81
ББК 81
Я410

Рецензенты:

доктор филологических и доктор педагогических наук, профессор *Ю.Е. Прохоров*,
доктор педагогических наук, профессор *В.В. Молчановский*

Электронные версии (.pdf) всех опубликованных выпусков доступны на
http://www.philol.msu.ru/~slavphil/books/jsk_index.html

Представляя рукопись в редколлегию, авторы тем самым выражают согласие с их без-
гонорарным опубликованием в сборнике "Язык, сознание, коммуникация" в печатном
и/или электронном виде

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред.
Я410 В. В. Красных, А. И. Изотов. – М.: МАКС Пресс, 2012. –
Вып. 45. – 92 с.

ISBN 978-5-317-04330-8

Сборник содержит статьи, рассматривающие различные пробле-
мы коммуникации как в свете лингвокогнитивного подхода, так и в со-
поставительном аспекте, а также наиболее актуальные проблемы лин-
гводидактики. Особое внимание уделяется национальной специфике
общения, проявляющейся в особенностях ассоциативных рядов, кон-
нотативного потенциала и восприятия художественных текстов.

Сборник предназначен для филологов – студентов, преподава-
телей, научных сотрудников.

Выпуски 1 и 2 опубликованы в 1997 г., выпуски 3, 4, 5, 6 –
в 1998 г., выпуски 7, 8, 9, 10 – в 1999 г., выпуски 11, 12, 13, 14, 15 –
в 2000 г., выпуски 16, 17, 18, 19, 20 – в 2001 г., выпуски 21, 22 –
в 2002 г., выпуски 23, 24, 25 – в 2003 г., выпуски 26, 27, 28 – в 2004 г.,
выпуски 29, 30, 31 – в 2005 г., выпуски 32, 33 – в 2006 г., выпуски 34,
35 – в 2007 г., выпуск 36 – в 2008 г., выпуски 37, 38, 39 – в 2009 г., вы-
пуски 40, 41 – в 2010 г., выпуски 42, 43 – в 2011 г., выпуск 44 – в
2012 г.

УДК 81
ББК 81
Я410

ISBN 978-5-317-04330-8

© Авторы статей, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫК И ОБЩЕСТВО

Красных В.В. Когнитивная подсистема лингвокультуры:
возможные пути исследования4

Филимонова Е.Н. Звуковая «картина» дальневосточной природы
(на материале переводов с корейского и китайского языков)39

ЛИНГВИСТИКА

Бубнова И.А. Индивидуальный «образ мира» как объект
психолингвистического анализа57

Долотин К.И. Модель механизма кодирования/декодирования
коммуникативных намерений в речевом сигнале диктора70

Янь Кай Отражение образа мира во внутренней форме
иероглифического письма77

ЛИНГВОДИДАКТИКА

Коллегова И.В. Лингводидактические аспекты словообразования
русских наречий87

ЯЗЫК И ОБЩЕСТВО

Когнитивная подсистема лингвокультуры: возможные пути исследования

© доктор филологических наук В.В. Красных, 2012
(МГУ имени М.В. Ломоносова)

Единицами когнитивной подсистемы лингвокультуры являются *МЕНТЕФАКТЫ*, понимаемые как единицы содержания сознания. Они могут рассматриваться с точки зрения разных уровней, которые предопределяются «широтой охвата» тех совокупностей знаний и представлений, в которые они входят. Соответственно, ментефакты могут быть репрезентантами как *ИНДИВИДУАЛЬНЫХ*, так и *КОЛЛЕКТИВНЫХ КОГНИТИВНЫХ ПРОСТРАНСТВ*, а также национально-культурной *КОГНИТИВНОЙ БАЗЫ* и *КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА*. Вопрос о ментефактах, носящих универсальный характер, на сегодняшний день остается открытым.

В рамках данной работы мы не рассматриваем ментефакты, носящие сугубо личный характер, отдавая предпочтение исключительно тем ментефактам, которые принадлежат *общественному сознанию*. При этом основное внимание уделяется ментефактам, находящимся на национально-культурном уровне, т. е. входящим в *КОГНИТИВНУЮ БАЗУ* и являющимся единицами *КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА*.

На сегодняшний день выявлено и описано не так много *КЛАССОВ* ментефактов, что обуславливается, вероятно, тем, что, во-первых, эта работа началась все-таки не так давно (особенно по сравнению с традиционной лингвистикой, ведущей свою историю со времен Аристотеля), во-вторых, основных классов скорее всего и не может быть много. Выявленные и в той или иной степени изученные классы складываются в некую систему, которая – в силу только что сказанного – не является жесткой и закрытой.

Итак, сегодня представляется возможным утверждать существование следующих четырех *КЛАССОВ* ментефактов, которые могут быть представлены в виде линейно развернутой цепочки (см. схему 1):

Схема 1. Классы ментефактов
Человека Говорящего

Кратко представим данные классы ментефактов.

1. ЗНАНИЯ

ЗНАНИЯ есть система структурированных и иерархизованных информационных единиц, которые хранятся в долговременной памяти в неизменном виде, при этом трансформации и модификации знаний возможны, но требуют осознанных усилий [Ришар, 1998: 5; КСКТ, 1996: 28-29] (примером может служить не столь давнее изменение числа планет Солнечной системы) и имеют необходимым условием максимально возможную «объективность», «адекватность», «истинность». Казалось бы, последнее утверждение противоречит тому очевидному факту, что некоторые знания могут представлять как ошибочные и полуправдивые (вспомним цитировавшегося ранее М. Блэка). Однако, говоря об «объективности», «адекватности» и «истинности» знаний, я имею в виду, так сказать, «внутреннюю» оценку знаний (изнутри сообщества – их носителя), но никоим образом не абсолютную их объективность, адекватность, истинность (отчего, кстати, данные слова при обсуждении знаний я беру в кавычки). Кроме того, то, что является *ЗНАНИЕМ* для одного сообщества, может расцениваться другим как *ПРЕДСТАВЛЕНИЕ*. Сравните, например, оценки представлений о сотворении или устройстве мира с точки зрения различных религиозных учений, с одной стороны, между собой, и с другой – с тем, что утверждает современная наука (о схожей ситуации в области мифологии писал М. Элиаде: «Разумеется, то, что считалось “истинным” сказанием в одном племени, могло стать “вымышленным” в соседнем племени. “Демистификация” – процесс, обнаруживаемый уже на архаических стадиях культуры. Важно то, что “дикари” всегда чувствуют разницу между мифами (“истинные сказания”) и сказками и легендами (“вымышленные сказки”»)» [Элиаде 2000: 17]). Более того, как только знания оцениваются как ошибочные, они теряют статус собственно *ЗНАНИЙ* и переходят в иной *КЛАСС* ментефактов – в класс *ПРЕДСТАВЛЕНИЯ*, и это, кстати, очень точно фиксирует наш язык. Так, например, мы говорим о *знаниях* современных исследователей и о *представлениях* средневековых ученых.

Из всего только что сказанного логически следует, что сама *система ЗНАНИЙ* рассматривается нами как достояние коллективное, принадлежащее *общественному сознанию*. И еще одно замечание. *ЗНАНИЯ* изначально лишены *аксиологии*: сами по себе они никоим образом не связаны с оценками, отношениями, эмоциями (как бы ни относиться, например, к таблице умножения в целом или к отдельным ее частям, сам факт того, что $2 \times 2 = 4$, а $5 \times 5 = 25$, эмоционально нейтрален и безоценочен). Вероятно, это связано с тем, что зна-

ния *выучиваются* (в отличие от ментефактов других классов, которые складываются в процессе прижизненного опыта).

Как мы уже говорили, знания *могут быть абсолютно нейтральны* и с точки зрения *культурной маркированности*, т. е. могут не зависеть от языка, культуры, вероисповедания и т. д. В данном случае для нас важно не то, что знания могут быть «обязательны для всех», независимо от образования, профессии и под. (см. наши рассуждения о возможности / невозможности существования «универсальной» когнитивной базы), но только то, что *многие элементы системы знаний лишены культурной специфичности* (на синхронном уровне). Таковы различные правила, законы и формулы из сферы естественно-научного знания – математики, физики, химии, биологии (таблица умножения, правила сложения и вычитания, $E = mc^2$, H_2O , CO_2 , система растительного и животного мира К. Линнея и т. п.); местоположение определенных географических и культурных объектов (например, Эйфелева башня находится в Париже, столице Франции – европейского государства); место и даты событий (например, атомная бомбардировка Хиросимы и Нагасаки была 6 и 9 августа 1945 года); время создания и имена авторов различных произведений (например, «Сикстинская Мадонна» была создана Рафаэлем в 1512-1523 годах как алтарный образ для капеллы монастыря Святого Сикста в Пьяченце по заказу Папы Юлия II в честь победы над французами, вторгшимися в Италию и присвоения Пьяченце статуса Папской области; а роман «Преступление и наказание» был написан Ф.М. Достоевским в 1866 году), и т. д., и т. п. См. также:

... В подвале умирал император. Сколько их таких было... **Кто в луже мочи... Кто на острове... Кто в бункере...** А он [Нерон] – на грязной циновке в подвале... Э. Радзинский. *Нерон*.¹

Поляк, нашедший работу в Италии, исключение. Конечно, если он не **папа римский** или кто-то из его окружения. Ч. Абдуллаев, *Смерть на холме Монте-Марио*.

Вместе с тем, существуют и знания, специфически присущие той или иной культуре или нескольким культурам и – в силу этого – потен-

¹ Как показали неоднократно проводившиеся мною опросы в интернациональных учебных аудиториях (в том числе в университетах Китая), *Наполеона и Гитлера* опознает практически 100% ии. Проблемы возникают с идентификацией *Сталина*, причем не только среди иностранцев, но и русских: даже у русских ии. на это уходило гораздо больше времени (в отличие от мгновенного именованя двух других персонажей истории), если опознавание вообще происходило. Вероятно, данный случай следует отнести к знаниям, входящим либо в ККП (напр., людей, читающих Э. Радзинского или увлекающего советской историей), либо в периферию русской КБ.

циально закрытые для представителей других культур. Например, для представителей русской культуры и лингвокультуры совершенно очевидна связь {Наталья Николаевна → Гончарова} и {Анна Петровна → Керн} → Пушкин:

- Меня зовут Александр Борисович. Можно просто Саша.
- А меня **Наталья Николаевна**, можно Наташа, – в тон ему ответила попутчица.
- **Гончарова?** – предположил Александр.
- Денисова, – рассмеялась Наталья Николаевна. *Ф. Незнанский, Опасно для жизни.*

Хочу памятник **Пушкину** поставить... Проводили мы **Анну Петровну**, я и подумал... Ассоциации, знаешь ли. **Там Анна Петровна, тут Анна Петровна... Мимолетное виденье... Что пройдет, то будет мило...** Ты мне помочь должен. *Т. Толстая. Кысь.*

Следующие контексты также абсолютно прозрачны для представителей русской культуры / лингвокультуры (даже если они не сразу вспомнят имя Дантеса, что, кстати, в данном случае и не столь важно):

Вспоминается ворошиловский стрелок, недоумевавший **на Пушкинской площади**, почему **памятник поставили не тому, который попал**. *А. Жолковский, Эросипед и другие виньетки.*

На знании (школьном – *sic!*) произведений А.С. Пушкина построен следующий анекдот из недавнего прошлого:

Игра «Что? Где? Когда?». Команде знатоков задают вопрос: Какое произведение Александр Сергеевич Пушкин посвятил Анне Петровне Керн?

Ответ знатоков: Анне Петровне, я подчеркиваю – Петровне, Керн Пушкин посвятил строки: «Люблю тебя, Петра творение...»

Следующие примеры крайне интересны с той точки зрения, что они показывают, как система знаний может меняться со временем: проводившиеся опросы показали, что современные русские студенты без дополнительного комментирования могут и не понять, о чем идет речь (вспомним в связи с этим рассуждения М.А. Кронгауза о проявлениях межпоколенного культурного разрыва [Кронгауз 2008]):

– Кроме того, добавил вдруг Блумберг, – у него несколько другая графа по пятому пункту², а для правительства это имеет значение.

– Хватит, – поморщился Дронго, – вы еще обвините в антисемитизме министра финансов, который, по-моему, тоже еврей. Ч. Абдуллаев, Плата Харону.

Полилась музыка. Ну почему производителей телефонов заиклило на Моцарте? В конце концов, есть Чайковский, «Лебединое озеро»... Хотя нет, мелодия из балета про белых птиц мигом вызывает у россиянина дикий ужас. Десять из девяти, подняв трубку, подумают: **опять революция**³. Нет уж, пусть лучше звучит Моцарт! Д. Донцова, Красавица без чудовища.

Итак, как мы видели, ЗНАНИЯ сами по себе, как элементы системы, могут быть *отмечены культурной маркированностью*, но могут быть и *абсолютно свободны* от нее.

Что касается *системы ЗНАНИЙ*, то, как мы уже говорили ранее, она всегда *культуроспецифична* и, более того, всегда *предопределена культурой*.

Итак, ЗНАНИЯ как КЛАСС ментефактов обладают следующими дифференциальными признаками:

1. предстают как СИСТЕМА;
2. хранятся в ДОЛГОВРЕМЕННОЙ ПАМЯТИ;
3. хранятся в НЕИЗМЕННОМ ВИДЕ;
4. могут поддаваться ТРАНСФОРМАЦИИ, но только ОСОЗНАННОЙ и специальной;
5. обладают «ОБЪЕКТИВНОСТЬЮ», «АДЕКВАТНОСТЬЮ», «ИСТИННОСТЬЮ»;
6. ВЫУЧИВАЮТСЯ;
7. принадлежат ОБЩЕСТВЕННОМУ СОЗНАНИЮ;
8. ЛИШЕНЫ ЭМОТИВНОСТИ, АКСИОЛОГИЧНОСТИ, ОЦЕНОЧНОСТИ;
9. отдельные ЭЛЕМЕНТЫ системы могут быть как КУЛЬТУРОНЕЗАВИСИМЫМИ, так и КУЛЬТУРОСПЕЦИФИЧНЫМИ; сама СИСТЕМА всегда ОБУСЛОВЛИВАЕТСЯ КУЛЬТУРОЙ.

2. Понятия

² Напомню, что пятым пунктом в советской анкете всегда указывалась национальность.

³ Напомню, что в советские годы почему-то именно «Лебединое озеро» любили демонстрировать по ТВ во время официального траура, связанного, как правило, с уходом из жизни одного Генсека ЦК КПСС и выборами другого. И кроме того, что особенно важно для данного контекста, именно «Лебединое озеро» шло практически по всем официальным каналам ТВ во время приснопамятного путча ГКЧП в августе 1991 г.

ПОНЯТИЯ суть результат рационально-логического осмысления действительности, генерализации, категоризации, систематизации. Будучи естественным результатом свойства человеческого сознания, логического мышления, работающего по единым для человека как такового (*Homo sapiens*) законам, *ПОНЯТИЯ* как ментефакты, подобно многим *ЗНАНИЯМ*, сами по себе не обуславливаются культурой и не зависят от нее. Культурномаркированным оказывается исключительно наличие / отсутствие тех или иных понятий в той или иной культуре. Вспомним в связи с этим утверждением слова Э. Сепира: «... наличие или отсутствие общего обозначения для какой-то группы понятий в значительной мере связано с тем, имеется ли у людей интерес к соответствующим явлениям окружающей среды. Чем более необходимым представляется носителям данной культуры проводить разграничение в пределах данного круга явлений, тем менее вероятно существование в их языке общего для них понятия. И наоборот, чем меньшее значение имеют некоторые элементы среды для данной культуры, тем больше вероятность того, что все они покрываются единственным словом общего характера» [Сепир 1993: 273]. Не комментируя приводимое объяснение причинно-следственных связей, отметим явную культурную обусловленность *самого факта существования* понятия, о которой говорит американский исследователь.

В связи с нашими рассуждениями о *ПОНЯТИЯХ* как ментефактах стоит, вероятно, обратиться к взглядам представителей когнитивной науки (например, Э. Рош, К. Мервис, Дж. Лакоффа и др.), которые, исследуя систему знаний человека, выстраивают ее некоторую иерархию.

Напомню, что когнитивисты утверждают наличие базового уровня, формируемого определенными категориями (наверное, лингвистам было бы удобнее использовать в данном случае термин «феномен» или «единица»). Данные категории, по мнению когнитивистов, первыми всплывают в памяти в случае необходимости той или иной репрезентации ситуации / картинки; их упоминание необходимо и достаточно для адекватного «описания» ситуации / картинки; они базируются на гештальтном восприятии и их образ мы легко можем представить; они первыми выучиваются в процессе онтогенеза детской речи⁴ и/или легче

⁴ Необходимо отметить, что данное положение не подтверждается стопроцентно исследованиями в области онтогенеза детской речи. Дело в том, что последовательность, которая определяет овладение ребенком степенями обобщения, может быть разной. С одной стороны, ребенок может переходить от конкретно-действенного мышления к конкретно-образному, постигая при этом обобщающее значение разных наименований. Например, от восприятия слова *береза* как «имени собственного» конкретной березы, которую он увидел впервые, к пониманию того, что этим словом называются и все другие березы. Иначе говоря, слово начинает приобретать все более широкое значение для ребенка, который поднимается на новую ступень обобщения. Затем ребенок узнает слово с еще

запоминаются при изучении иностранного языка; по отношению к ним мы легко можем представить себе конкретное действие и т. д. Например, к категориям базового уровня относятся такие, как *птица, собака, стол* и под. Мы можем детализировать наше сообщение, уточнив категорию базового уровня и тем самым перейдя на нижестоящий уровень: *птица – ворона, воробей, попугай...; собака – спаниель, сенбернар, такса...; стол – обеденный, письменный, рабочий...* и под. К категориям вышестоящего уровня относятся результаты определенных обобщений, к которым неприменимы операции категорий базового уровня. Так, например, как пишут когнитивисты, невозможно представить себе *мебель* иначе, как *стол, стул* или *диван*, и действия, производимые с *мебелью*, явно отличаются от действий, которые мы осуществляем со *стулом, столом* или *диваном*. См.: «У нас нет абстрактных ментальных образов предметов мебели, которые бы не были образами объектов базового уровня, таких, как стул, стол, кровать и т. д. Попробуйте представить предмет мебели, который бы выглядел не как стул, стол, кровать и т. д., но как нечто более абстрактное. Очевидно, что это невозможно. У нас, далее, нет моторных действий для взаимодействия с мебелью вообще, которые бы не были моторными действиями для взаимодействия с определенными объектами базового уровня – стульями, столами, кроватями и т. д. Однако вышестоящие категории имеют другие антропоцентричные свойства – такие, как цели и функции» [Лакофф 2004: 73-74] (кстати, в этой цитируемой работе Дж. Лакоффа представлено достаточно подробное изложение взглядов когнитивистов). Покажу это на конкретных примерах. Ср.: *С ветки слетела птица – С ветки слетела ворона; Мне нужна новая мебель – Мне нужен новый стол – Мне нужен новый обеденный стол; У меня в доме живет (млекопитающее) животное (семейства псовых) – У меня в доме живет*

более широким значением – *дерево* (а *дерево*, кстати, одна из категорий базового уровня), т. е. слово в детском сознании обретает еще один уровень абстракции. Затем ребенок узнает слово *растение*, которое несет еще более обобщенное значение. (С *растением*, как мне кажется, с точки зрения когнитивных уровней все не так просто. Действительно, слово *растение* имеет – по сравнению с другими только что приведенными словами – наиболее обобщенное значение и, следовательно, может быть признано «именем» категории вышестоящего уровня. Но вместе с тем, для обыденного сознания, как представляется, это – имя категории базового уровня, ибо *растение* удовлетворяет всем требованиям, предъявляемым к таковой.) Другими словами, в данном случае ребенок проходит путь, «обратный» тому, о котором говорят когнитивисты. Однако с другой стороны, ребенок может сразу узнать слово *птичка* (*птица* – категория базового уровня), которое он использует для обозначения всех птиц, и только потом он узнает, что есть разные птицы: *воробей, ворона, синичка* и т. д. (т. е. категории нижестоящего уровня). Очевидно, именно этот путь овладения словом и стоящим за ним «содержанием» и имеют в виду когнитивисты, когда говорят о некоторых дифференциальных признаках категорий базового уровня.

собака – У меня в доме живет такса – У меня в доме живет миниатюрная жесткошерстная такса.

Как же соотносятся категории (единицы) данных уровней с ПОНЯТИЯМИ как ментефактами? Сразу можно предположить, что понятия-ментефакты имеют явную параллель с категориями вышестоящего уровня. И это действительно так: и те, и другие единицы являются результатом генерализации поступающей извне информации, относящейся к одному «классу» феноменов. Однако под определение понятий в нашем понимании (представленном чуть ранее) подпадают и некоторые категории базового уровня, такие, как, например, вышеупомянутые *птица* или *собака*⁵. Что касается возможности «легко представить» категорию базового уровня, о которой (возможности) говорят когнитивисты и которую причисляют к дифференциальным признакам данной категории, то, как представляется, данная образность относится не столько к самой категории базового уровня как таковой, сколько к ее прототипу – наилучшему примеру данной категории. Ведь представляя, например, *птицу* или *собаку*, мы представляем себе не *птицу* «вообще» и не *собаку* «вообще», а некую вполне определенную картинку, связанную с нашим прижизненным опытом (как индивидуальным, так и социальным). Данная ментальная картинка рассматривается в рамках нашей концепции как стереотип-представление, т. е. как репрезентант совершенно иного КЛАССА ментефактов – ПРЕДСТАВЛЕНИЙ (о такого рода взаимопроникновениях мы уже упоминали, рассуждая о ЗНАНИЯХ). Вместе с тем (опять же забегая несколько вперед) замечу, что сама «идея» *птицы* или *собаки* «вообще» – как *совокупность дифференциальных признаков представителя определенного класса предметов* – может формировать то, что в рамках нашей концепции определяется как *КОГНИТИВНАЯ ОБРАЗНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ*, рассмотрение которой нам тоже еще только предстоит.

Кроме того, как категории базового уровня когнитивистами рассматриваются также и другие феномены, причисляемые нами в силу их специфики и определенных дифференциальных черт к иным КЛАССАМ ментефактов. Так, как категории базового уровня рассматриваются, например, «категория *ложь*» [Лакофф 2004: 103-107] (*КОНЦЕПТ*) и «стереотип *холостяка*» [Там же: 102-103, 121] (*СТЕРЕОТИПЫ – ВИД ПРЕДСТАВЛЕНИЙ*). Впрочем, для когнитивистов «социальные стереотипы могут представлять категорию в целом» [Там же: 121]. В целом, одно из требований, которым должны соответствовать категории базового уровня, чтобы считаться базовыми («категории базового уровня являются базовыми в следующих четырех отношениях»), формулирует-

⁵ Может возникнуть вполне резонный вопрос: а почему эти единицы рассматриваются именно как понятия? Вопрос не самый простой и требующий отдельного разговора.

ся следующим образом: «Восприятие: Целостно воспринимаемый внешний вид; единый ментальный образ; быстрая идентификация» [Там же: 72]. Однако, на мой взгляд, это сущностная характеристика опять-таки скорее СТЕРЕОТИПА, нежели ПОНЯТИЯ.

Таким образом, как бы не казалось правильным провести параллель между категориями базового уровня, выделяемыми когнитивистами, и «нашими» ПОНЯТИЯМИ, сделать это не просто затруднительно, но практически невозможно (что я и попыталась обосновать в предыдущих абзацах).

Итак, ПОНЯТИЯ как КЛАСС ментефактов обладают следующими дифференциальными признаками:

1. результат ОСМЫСЛЕНИЯ;
2. результат осмысления РАЦИОНАЛЬНО-ЛОГИЧЕСКОГО;
3. СКЛАДЫВАЮТСЯ;
4. формируются в процессе ПРИЖИЗНЕННОГО ОПЫТА;
5. принадлежат ОБЩЕСТВЕННОМУ СОЗНАНИЮ (обладая «инвариантной частью»), являющейся «общим компонентом сознания»);
6. ЛИШЕНЫ ЭМОТИВНОСТИ, АКСИОЛОГИЧНОСТИ, ОЦЕНОЧНОСТИ;
7. могут включать в себя КОГНИТИВНУЮ ОБРАЗНУЮ СОСТАВЛЯЮЩУЮ;
8. как таковые КУЛЬТУРОНЕЗАВИСИМЫ; КУЛЬТУРОЙ ОБУСЛОВЛИВАЕТСЯ только сам факт наличия / отсутствия определенного понятия в культуре.

3. КОНЦЕПТЫ

Если исходить из того, что КОНЦЕПТЫ суть понятия, погруженные в культуру (по идее Н.Д. Арутюновой), то окажется, что концепты со всей очевидностью весьма близки понятиям. И действительно, на логико-рациональном уровне ПОНЯТИЯ и КОНЦЕПТЫ обнаруживают ряд общих черт, поскольку являются результатом осмысления и концептуализации окружающего мира. Вместе с тем уже на этом уровне представляется возможным выявить и определенные расхождения между понятиями и концептами: так, первые с большей вероятностью позволяют обнаружить внутри себя и выявлять различные классы, роды, виды, подвиды и под.; вторые же *en mass* менее «склонны» к подобному дроблению. На аксиологическом, эмоциональном уровне КОНЦЕПТЫ принципиально расходятся с понятиями и сближаются с ПРЕДСТАВЛЕНИЯМИ, поскольку всегда обладают эмотивностью, обязательно включают в себя оценки, коннотации, имеют собственную аксиологию. Кроме того, КОНЦЕПТЫ, как правило, связаны с духовно-нравственными (значимыми) ценностями культуры (например, судьба,

грех, жизнь, смерть, любовь, воля, власть и под.), что также предопределяет их обязательную аксиологичность.

Исходя из только что сказанного, определим *КОНЦЕПТ* как результат рационально-эмоционального восприятия действительности в условиях определенной культуры. Таким образом, из предложенной дефиниции следует, что у концепта есть *рациональная* (понятийная) составляющая и *эмоциональная* составляющая. Вопрос о том, обладает ли концепт *образностью* (образной составляющей), исследователями решается по-разному. Некоторые ученые считают, что обладает (см., напр., [Чернейко 1997; 2005], а также работы С.Г. Воркачева, В.И. Карасика, В.А. Пищальниковой и др.). Так, например, в рамках концепции ведущего специалиста в области изучения концептов – Л.О. Чернейко, у концептов выделяются различные гештальты. А что такое гештальт, если не образ? Далее, эксперименты самой Л.О. Чернейко показывают, что такие концепты, как, например, *судьба, рок, фатум*, носителями русского языка могут быть визуализованы в виде абстрактных рисунков (кстати, используя эту методику, подобные эксперименты проводила и моя дипломница Т.Г. Шишковская с визуализацией концепта *добро* [Шишковская 2010]).

Но в данном случае мы имеем не тот *ОБРАЗ*, о котором мы говорили ранее. Поэтому, с моей точки зрения, *КОНЦЕПТ образности, ингерентно ему присущей, лишен*. Мне могут возразить: а как же быть с концептом *жизнь*, которая (*жизнь*), в том числе, осмысливается как *дорога*, и который (*КОНЦЕПТ*), соответственно, во-первых, имеет этот гештальт, а во-вторых, может быть представлен (воображен) именно таким образом? Кстати, мои многочисленные опросы в самых разных аудиториях (и учебных, и научных) показали, что русские ии. обычно описывают одну и ту же «картинку»: *дорога* – не в городе, не в лесу – среди полей, грунтовая, летняя или осенняя (т. е. пейзаж в зелено-желтых тонах). Что это как не образ в нашем понимании? Все так. Но ведь в данном случае мы имеем описание стереотипа-представления, который именно в данном случае выполняет функцию «маски», которую концепт «надел» на себя. Дело в том, что *жизнь* – это не всегда и не всегда только *дорога* (см. *красивая жизнь, сладкая жизнь, подарить жизнь, поломать жизнь* и под.). Подобную картину мы наблюдаем и тогда, когда рассматриваем другие концепты, например, *смерть*. С одной стороны, *смерть* – старуха в плаще с капюшоном с косой, с другой – *на миру и смерть красна, легкая / тяжелая смерть* и под. Но здесь мы опять подходим к вопросу о границах между разными классами ментефактов, который у нас еще впереди, поэтому отложим его на некоторое время.

Концепт в рамках лингво-когнитивного подхода определяется как «парадигматическая структура, выводимая из синтагматических отношений имени, фиксированных в тексте» [Чернейко, Долинский 1996: 39] Ср.: «Языковое сознание раскрывает те представления о времени, судьбе, совести, власти, свободе, мысли и подобном, которые сложились в культуре и отражены в языке в первую очередь через несвободную сочетаемость имен время, судьба, совесть, власть, свобода, мысль. Частеречная принадлежность этих слов... свидетельствует, что явления, стоящие за ними, имеют характер субстанции, т. е. того, что существует в себе и благодаря себе как носитель свойства, признака, состояния, действия» [Чернейко 1997: 285]. В статье 2005 г. Л.О. Чернейко, один из ведущих специалистов в отечественной когнитивной науке, и в частности – в концептологии, сформулировала следующее понимание концепта: «*КОНЦЕПТ* – это инструмент познания и моделирования памяти как одной из составляющих сознания, обеспечивающей хранение информации и ее воспроизведение. <...> *КОНЦЕПТ* как когнитивная структура сознания не может не иметь форм объективации. Иными словами, у этой структуры есть как содержание <...>, так и материальная форма. <...> *КОНЦЕПТ* – это имя (субстантив), собравшее в пучок всю стоящую за ним в данной культуре информацию о значимом явлении, как логическую (понятийную, рациональную), так и сублогическую (коннотативную, чувственную). <...> *КОНЦЕПТ* – это реальность познания, а не бытия, реальность эпистемологическая, посредством которой изучается отношение сознания к действительности (видения, понимания, интерпретации), как оно выражено в языке (в его материальной ипостаси – речи)» [Чернейко 2005: 64-66]. Это «вторичная (моделирующая) идеальная сущность» [Там же: 66], «отличительная черта» которой «по сравнению с понятием состоит, по мнению Ю.С. Степанова, в том, что “концепты не только мыслятся, они переживаются. Они – предмет эмоций, симпатий и антипатий, а иногда и столкновений” [Степанов 2001: 43]» [Там же: 65].

Думается, что теперь *КОНЦЕПТ* может быть определен нами более развернуто и детально (по сравнению с первой нашей дефиницией): это самая общая, максимально абстрагированная, но конкретно репрезентируемая (языковому) сознанию идея предмета (в самом широком понимании этого термина), являющаяся результатом определенной когнитивной обработки, обладающая ингерентно присущей ей аксиологией и взятая в совокупности всех валентных связей, отмеченных национально-культурной маркированностью. Это своего рода свернутый глубинный «смысл» «предмета», он может разворачиваться при возбуждении, активации семантической (в других терминах – и это

точнее – ассоциативной) сети. *КОНЦЕПТ* обладает *эмотивностью, коннотациями, аксиологичен по природе своей*, имеет «*имя собственное*», представленное абстрактным существительным (не случайно в работах ведущих ученых, рассматривающих феномен концепт – см. работы Н.Д. Аругюновой, Ю.С. Степанова, Л.О. Чернейко, С.Г. Воркачева, – анализируются, например, *истина и ложь, судьба и счастье* и под.).

В связи с представлением того понимания концептов, которому я следую в своих рассуждениях о лингвокультуре, представляется необходимым хотя бы коротко остановиться на следующем. Концепты, вступая друг с другом в определенные отношения (*истина – правда, правда – ложь; судьба – доля – участь; кошмар – ужас – страх – боязнь – испуг*⁶ и под.), «переплетаясь» и взаимно проникая друг в друга, накладываясь друг на друга и создавая зоны пересечений и переходов, образуют некий «*концептуальный континуум*». И коль скоро это так, то анализ отдельного, изолированного концепта, даже с учетом разнообразных способов его «вербализации», может оказаться несколько ограниченным (неслучайно, думается, еще недавно наблюдавшийся бум в изучении различных концептов в последнее время пошел на спад; едва ли это связано с тем, что были проанализированы *все* концепты или хотя бы их большая часть). Более целесообразным – в свете концептуального континуума – мне представляется исследование *КОНЦЕПТУАЛЬНОГО ПОЛЯ*, под которым понимается *совокупность ментефактов и определенным образом осмысленных в культуре артефактов* (т. е. культурных квази-предметов и культурных предметов), *объединенных некой общей «идеей»* (см. определение концепта), *относящейся к определенному фрагменту картины мира*. Именем концептуального поля является, как правило, имя его ядерного концепта, например, концептуальное поле *судьба*, концептуальное поле *счастье*, концептуальное поле *война* и т. д. Однако бывают случаи, когда, на мой взгляд, трудно однозначно «поименовать» концептуальное поле. Это имеет место, вероятно, тогда, когда его репрезентантами выступают «сильные» сами по себе и «равные» в этом смысле концепты, обладающие своими собственными «полями», например: *родина – отечество – отчизна*. Думается, что имя такого концептуального поля будет зависеть во многом от произвола исследователя: либо оно будет «составным» (как в приведенном примере), либо тот

⁶ Отмечу, что не все перечисленные единицы являются для меня именами однозначных и равноценных концептов, но я позволила себе привести данный ряд, поскольку указанные единицы (среди прочих лексико-фразеологических средств, номинирующих и описывающих концепт *страх* и различные его проявления) рассматриваются как средства вербализации данного концепта в диссертации С.В. Зайкиной [Зайкина 2007].

из концептов, который исследователь выберет в качестве «базового», основного, и даст свое имя всему концептуальному полю.

Впервые, насколько мне известно, серьезная попытка разработать концептуальное поле на материале концептуального поля *любовь* была предпринята А.В. Тананиной в 2003 году [Тананина 2003], а в 2008 году на филологическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова была защищена дипломная работа, в которой разрабатывалось концептуальное поле *судьба* [Мурадова 2008] (см. также уже упоминавшуюся работу Т.Г. Шишковой [Шишковская 2010]). Данные исследования убедительно доказали континуальный характер «концептосферы» (если воспользоваться термином Д.С. Лихачева) как таковой, а исследование О.В. Мурадовой наглядно продемонстрировало, что репрезентантами концептуального поля могут быть феномены принципиально различной природы: собственно лингвистические, лингво-когнитивные, собственно когнитивные и даже экстралингвистические (артефактивные).

И действительно, *КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ПОЛЕ* могут представлять феномены самой разной природы: знаки языка, знаки лингвокультуры, знаки культуры. Приведу первоначальную классификацию возможных репрезентантов концептуальных полей, подкрепив ее конкретным материалом (хотя и весьма ограниченным, поскольку не само концептуальное поле находится в фокусе внимания данного исследования – это предмет отдельного и большого разговора). Итак, в роли *репрезентантов* концептуальных полей могут выступать:

I. Различные *ЯЗЫКОВЫЕ ЕДИНИЦЫ*: лексемы, фразеологические единицы, пословицы (я позволю себе не приводить здесь какие-либо примеры, поскольку они вполне очевидны; к тому же в многочисленных работах, в которых так или иначе анализируются концепты, особое место, как правило, отводится именно изучению собственно языковых единиц).

II. Различные *МЕНТЕФАКТЫ*:

1. разнообразные *ЗНАНИЯ* (например, знания о древнегреческой богине *Тюхе* – концептуальное поле *судьба*; или о физиологических проявлениях страха и способах их оязыковлениа – концептуальное поле *страх*);

2. *ПОНЯТИЯ* (например, понятие *государство*, которое входит в концептуальные поля *власть* и *родина* – *отечество* – *отчизна*);

3. *КОНЦЕПТЫ*, входящие в данное поле (например: ядерный концепт *судьба*, а также входящие в то же концептуальное поле *рок*, *доля*, *участь* и др.; концепт *страх*, ядерный для одноименного концептуального поля, а также входящие в него же *ужас* и *кошмар*);

4. разнообразные *ПРЕДСТАВЛЕНИЯ* (подробнее – см. далее):

1) ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ (например, для концептуального поля *судьба* – *колесо фортуны, мойры / парки, некоторые древнегреческие мифы и трагедии*; или для концептуального поля *любовь* – «ядерные» *Ромео и Джульетта*, а для концептуального поля *ложь* – «периферийный» *Хлестаков*; и т. д.);

2) СТЕРЕОТИПЫ (см., например, уже упоминавшиеся нами концепт *жизнь*, который осмысливается в русской лингвокультуре как *дорога*, представляющая как стереотипный образ, или русский стереотипный образ *смерти* – страшная старуха с косой, являющийся одной из «масок» для ядерного концепта одноименного концептуального поля);

3) ДУХИ (например, для концептуального поля *дом* – *домовой*);

4) АРТЕФАКТЫ ВТОРИЧНОГО МИРА (например, для концептуальных полей *жизнь* и *смерть* – *живая* и *мертвая вода*).

III. Различные АРТЕФАКТЫ и ПРИРОДНЫЕ ПРЕДМЕТЫ И ЯВЛЕНИЯ (например, для концептуального поля *счастье* – северорусская деревянная *птица счастья, радуга, крылья* и под.; для концептуального поля *власть* – выступающие в качестве ее символов *рука, посох*, принадлежащий правителю или иерарху церкви, *скипетр* и *державка* и т. д.).

Таким образом, можно утверждать, что *КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОЛЯ* обладают многослойной, правильнее сказать – многомерной, структурой и предполагают многоуровневый, многоступенчатый, комплексный анализ, что обусловливается онтологическим разнообразием феноменов, выступающих в роли репрезентантов самих концептуальных полей.

Из только что сказанного следует вполне закономерный вывод: анализируя *КОНЦЕПТЫ* как особый класс ментефактов, мы не можем игнорировать континуальный характер образуемого ими (концептами) «пространства» и должны рассматривать их (концепты) как репрезентанты соответствующих *КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ПОЛЕЙ*.

Итак, *КОНЦЕПТЫ* как *КЛАСС* ментефактов обладают следующими дифференциальными признаками:

1. результат *ВОСПРИЯТИЯ*;

2. результат восприятия *РАЦИОНАЛЬНО-ЭМОЦИОНАЛЬНОГО*;

3. *СКЛАДЫВАЮТСЯ*;

4. формируются в процессе *ПРИЖИЗНЕННОГО ОПЫТА*;

5. принадлежат как *ИНДИВИДУАЛЬНОМУ*, так и *ОБЩЕСТВЕННОМУ СОЗНАНИЮ* (так же как и понятия, но в меньшей степени, обладая «инвариантной частью», являющейся «общим компонентом сознания»);

6. обладают *ЭМОТИВНОСТЬЮ, АКСИОЛОГИЧНОСТЬЮ, ОЦЕНОЧНОСТЬЮ*;

7. *ЛИШЕНЫ* ингерентно им присущей *ОБРАЗНОСТИ*;

8. всегда КУЛЬТУРОЗАВИСИМЫ и КУЛЬТУРОСПЕЦИФИЧНЫ.

4. ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

Предлагаемое понимание *ПРЕДСТАВЛЕНИЙ* как *КЛАССА* менте-фактов базируется на взглядах ученых, работавших в разных областях научного знания: психологии, психолингвистики, антропологии. Так, А.М. Шахнарович и Н.М. Юрьева определяют представление как «субъективное отражение связей и отношений действительности, и это субъективное отношение эмоционально» [Шахнарович, Юрьева 1990: 23]. Такое понимание представлений соотносимо с понятием *itago*, «наглядных представлений», о котором пишет С. Московичи [Московичи, 1998-а: 355]. Рассматривая коллективные представления, играющие основную роль в мифологическом мышлении «примитивных народов» [Леви-Брюль 1994], Л. Леви-Брюль выделяет следующие их черты: крайняя эмоциональная интенсивность; нечувствительность к логическим противоречиям; непроницаемость для объективного опыта; мистическое содержание; наличие своих собственных законов, главным из которых является закон партиципации (отмечу, что эти черты в целом не утратили своей актуальности и в не меньшей степени характерны для представлений современного человека – *Homo sapiens* начала XXI века).

Достаточно очевидным для многих исследователей представляется тот факт, что представления могут быть как *индивидуальными*, так и *коллективными* (социальными) (см. работы, например, Э. Дюркгейма, С. Московичи, М.Л. Макарова и др.). Как уже отмечалось, в рамках настоящего исследования нас интересуют в первую очередь коллективные представления, которые являются общими для представителей определенного лингвокультурного сообщества, не зависят от бытия отдельного человека и транслируются из поколения в поколение, как пишет Л. Леви-Брюль, «навязывая себя личности», становясь «продуктом не рассуждения, а веры» [Леви-Брюль 1994: 20].

В этом – в *параллельном существовании индивидуальных и коллективных представлений*, с одной стороны, отличие от *КОНЦЕПТОВ* и *ПОНЯТИЙ*: представления могут различаться, могут быть и такими, и такими (индивидуальные *vs.* коллективные), *КОНЦЕПТ* же – и индивидуален и коллективен, подобно *ПОНЯТИЯМ*, но в отличие от последних в большей степени индивидуален в силу эмотивности и проч.; с другой – принципиальное отличие от *ЗНАНИЙ*, которые всегда коллективны.

Учитывая только что сказанное, позволю себе сформулировать следующее определение: *ПРЕДСТАВЛЕНИЯ* суть результат субъективного, эмоционально-образного восприятия феноменов действительности в условиях определенной культуры (принимаемой широко – как совокупность мира Действительное и мира

Идеальное, если воспользоваться словами А. Вежицкой [Вежицкая 1996]). Из этого следует, что дифференциальными признаками *ПРЕДСТАВЛЕНИЙ* как *КЛАССА* ментефактов являются *образность, субъективность, эмотивность и оценочность* (последние два признака сближают *ПРЕДСТАВЛЕНИЯ* и *КОНЦЕПТЫ*). Помимо этого, следует отметить такой важный признак данного класса ментефактов, как *функциональная компенсаторность*, связанная с тем, что, говоря словами С. Московичи, «они дают эффект присутствия отсутствующему, упрощая его черты» [Московичи, 1998-а: 355]. Более частные признаки: *недискретность образов, некритичность восприятия, однозначность и субъективность оценок* (или «хорошо», или «плохо», никаких «золотых средин» и аналитичности восприятия); для *коллективных* представлений крайне важна их *значимость в социальном плане*.

Итак, *ПРЕДСТАВЛЕНИЯ* как *КЛАСС* ментефактов обладают следующими дифференциальными признаками:

1. результат *ВОСПРИЯТИЯ*;
2. результат восприятия *ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОБРАЗНОГО*;
3. *СКЛАДЫВАЮТСЯ*;
4. формируются в процессе *ПРИЖИЗНЕННОГО ОПЫТА*;
5. могут быть либо *ИНДИВИДУАЛЬНЫМИ*, либо *КОЛЛЕКТИВНЫМИ*;
6. принадлежат *ИНДИВИДУАЛЬНОМУ* и/или *ОБЩЕСТВЕННОМУ СОЗНАНИЮ*;
7. обладают *ЭМОТИВНОСТЬЮ, АКСИОЛОГИЧНОСТЬЮ, ОЦЕНОЧНОСТЬЮ*;
8. обладают ингерентно им присущей *ОБРАЗНОСТЬЮ*;
9. всегда *КУЛЬТУРОЗАВИСИМЫ* и *КУЛЬТУРОСПЕЦИФИЧНЫ*.

И прежде чем перейти к рассмотрению различных *ВИДОВ* представлений, последнее замечание общего характера. «Представления» – это видовое «имя» феноменов, которые могут анализироваться только как какой-либо конкретный *ВИД* феномена, выступающего в виде конкретной реализации (аналогично, например, фонемам в лингвистике или «вышестоящим категориям» в когнитивистике). На сегодняшний день выявлены четыре *ВИДА ПРЕДСТАВЛЕНИЙ*: (1) *ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ*; (2) *АРТЕФАКТЫ ВТОРИЧНОГО / ВИРТУАЛЬНОГО МИРА*; (3) *ДУХИ*; и (4) *СТЕРЕОТИПЫ*.

Из всех выявленных на сегодня видов представлений в данной статье я остановлюсь подробнее только на прецедентных феноменах, поскольку они, во-первых, лучше изучены, во-вторых, являются весьма показательными, поскольку в них в полной мере воплощены основные дифференциальные признаки представлений как ментефактов.

4.1. Прецедентные феномены

Традиционно (как теперь уже можно, вероятно, говорить) ПРЕЦЕДЕНТНЫЙ ФЕНОМЕН (ПФ) описывается в научной литературе как такой феномен, который:

1) имеет *«сверхличностный характер»*, т. е. известен любому представителю данного национально-лингво-культурного сообщества (поскольку в данном случае речь идет о лингвокультуре как таковой, то имеются в виду *национально-прецедентные феномены* и, соответственно, носители данного языка и представители данной культуры),

2) обладает *инвариантом восприятия* (т. е. актуален в когнитивном и эмоциональном планах);

3) *апелляции* к которому, как правило, частотно *возобновляются* в дискурсе.

Такое понимание ПФ восходит к предложенному Ю.Н. Карауловым и ставшему уже классическим пониманию прецедентного текста [Караулов 1987].

Никоим образом не подвергая сомнению данную трактовку прецедентного феномена (тем более, что я принимала самое непосредственное участие в ее разработке⁷ и не собираюсь отказываться ни от одного сказанного мною по этому поводу слова), не могу не отметить, что она имеет несколько слабых мест. Во-первых, как абсолютно точно заметила в процессе личного общения В.Н. Телия, предложенная формулировка крайне широка, поскольку данным требованиям удовлетворяют не только собственно прецедентные феномены (прецедентные ситуации, тексты, имена и высказывания), но и практически все единицы лингвокультуры и даже собственно лингвистические единицы (например, фразеологизмы), если их рассматривать (опять же) в рамках лингвокультурологического подхода. И с этим трудно не согласиться. Во-вторых, пункты (1-3) не столько содержат собственно *дефиницию* ПФ, сколько указывают на их (предположительно) *дифференциальные признаки*. При этом, как показывает продолжающееся исследование, главным (если угодно, «основополагающим») из данных признаков является *второй* (наличие инварианта восприятия); *первый* признак (сверхличностный характер) однозначно обязателен для ПФ, но едва он может считаться собственно дифференциальным – отличающим данный феномен от других (так, например, он в не меньшей, думаю, степени актуален для идиом); последний же, *третий*, признак (постоянная возобновляемость в дискурсе) по сути

⁷ Концепция была разработана научным семинаром филологического факультета МГУ «Текст и коммуникация» (Д.В. Багаева, Д.Б. Гудков, И.В. Захаренко, В.В. Красных; см. совместные и авторские работы указанных исследователей). Сегодня в научной литературе можно найти немало работ (от статей до диссертационных изысканий), посвященных различным типам ПФ (см., напр., [Банникова 2004; Завьялова 2007; Сергеева 2005; Смыкунова 2003] и др.).

обязателен только для одного вида прецедентных феноменов – прецедентных высказываний, но при этом крайне важен для феноменов принципиально иной природы (тех же фразеологизмов, к примеру), что также весьма затрудняет признание за ним статуса дифференциального признака именно ПФ как таковых.

В свете всего только что сказанного встает совершенно очевидная необходимость попытаться сформулировать *определение* прецедентного феномена, что я и попытаюсь сейчас сделать. Итак, ПРЕЦЕДЕНТНЫЙ ФЕНОМЕН – это являющийся коллективным достоянием результат эмоционально-образного восприятия уникального феномена в условиях определенной культуры. Из предложенной дефиниции необходимо вытекает, что ПФ:

1) носит *сверхличностный* характер, т. е. является общим для – как минимум – двух представителей национально-лингво-культурного⁸ сообщества;

2) обладает *эмотивностью*, т. е. связан с эмоциями и оценками, и, следовательно, *аксиологичен* по природе своей;

3) обладает *образностью*;

4) формируется *на основе восприятия*;

5) имеет своим «источником» *единичный, уникальный феномен*.

Данные положения требуют некоторых комментариев. Совершенно очевидно, что первое положение совпадает с первым из приведенных ранее признаков ПФ и касается «внешней стороны» функционирования ПФ – «ареала его обитания» (ПФ *всегда* принадлежит *общественному сознанию – sic!*). Второе и третье положения (эмотивность / оценочность / аксиологичность и образность) касаются онтологии ПФ: в соответствии с ними ПФ предстает как *эмоционально-образная «свертка», сложный образ, необходимо включающий в себя в том числе и оценки, предопределяемые иерархией ценностей культуры*; по сути данный образ и есть *ИНВАРИАНТ ВОСПРИЯТИЯ* ПФ (второй признак из приведенных ранее). *Потеря феноменом данного образа – ИНВАРИАНТА ВОСПРИЯТИЯ, означает потерю собственно прецедентности*. Если это происходит, то феномен просто вытесняется за пределы системы ПФ и (1) либо уходит совсем, (2) либо сохраняется как элемент знаний (*Что*

⁸ Как я уже отмечала, в данном случае мы обсуждаем феномены именно этого «уровня», однако представленное определение «работает» и на уровне ККП (социумно-прецедентных феноменов), и на уровне гипотетической «универсальной» КБ, «универсального» культурного пространства (общих для ряда культур феноменов, предположительно «универсальных» ПФ). Но тогда следует говорить не о *национально-лингво-культурном* сообществе, а о *лингво-культурном* сообществе.

тетушка? Все девушкой? Минервой? А.С. Грибоедов), (3) либо – в случае прецедентных имен и высказываний, т. е. ПФ, имеющих строго фиксированную форму, – переходит в число собственно языковых единиц (в лексический состав языка в качестве имен нарицательных: *хулиган, хам, меценат, спонсор* и под.; или во фразеологический фонд: *умывать руки, в мгновение ока, заблудшая овца* и т. д.). Иначе говоря, при потере инварианта восприятия ПФ в любом случае *перестает существовать как собственно прецедентный феномен*.

Основы формирования ПФ закладывает личностное восприятие либо самого конкретного феномена-источника, либо контекстов (в самом широком смысле: музыкальных, архитектурных, живописных и под., но чаще – вербальных), в которых данный феномен-источник фигурирует. Однако в силу своего «общественного» характера окончательно ПФ формируется в процессе межличностного общения (как непосредственного, так и опосредованного, дистанцированного во времени и пространстве). Такая «поэтапность»⁹ (*личностное восприятие – индивидуальное представление – коллективное представление – инвариант восприятия*) характерна для появления и кристаллизации ПФ и в культуре как таковой, и в онтогенезе отдельной личности.

В основе ПФ всегда лежит *единичный, единственный, уникальный феномен*. И это принципиально отличает ПФ как от других ВИДОВ представлений, так и от других *КЛАССОВ* ментефактов.

Именно от этого уникального феномена-источника вербализованные ПФ наследуют свое «имя». Именно поэтому, если у ПФ есть «имя», то это всегда имя собственное, которое одновременно является и именем собственным феномена-источника. При этом «прямое значение» такого имени (когда оно называет феномен-источник) связано со *ЗНАНИЯМИ*, «непрямое» – с *ПРЕДСТАВЛЕНИЯМИ*, а именно: с *ПРЕЦЕДЕНТНЫМИ ФЕНОМЕНАМИ* (в нижеприводимых примерах – прецедентными именами и прецедентными ситуациями; в первых примерах представлены случаи употребления имени *Плюшкин* в «прямом значении» и как ПФ, различные употребления разделены знаком \Leftrightarrow ; в остальных случаях я позволила себе привести примеры только на собственно ПФ):

⁹ Я не случайно взяла это слово в кавычки, т. к. речь не идет о собственно «этапах» в прямом смысле этого слова: во-первых, здесь нет и не может быть жестко заданной их последовательности и жестких границ между ними, во-вторых, возможно параллельное их сосуществование. Однако определенная последовательность в формировании ПФ все же прослеживается.

Плюшкин – один из персонажей поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души». Образцом для подражания он мог выбрать кого угодно, но только не гоголевского **Плюшкина**. *(реч.)*

⇔

– Гляди, – сунула инспекторша в руки карточку, – любуйся и больше никогда не спорь со старшими. Скажи спасибо, что все документы, как **Плюшкин**, храню. Вот умру, придет новая завканцелярией, живо весь хлам к черту выкинет! А у меня рука не поднимется, всех ведь помню как родных! *Д. Донцова, Вынос тела.*

... они носились по Москве в поисках приличной мебели и хрусталя. Муза, как **Плюшкин**, скупала комиссионки и тащила все в свое новое жилище. *МК, 16.03.2001.*

Для будущих энциклопедий: Александр Петлюра – король помоек, барахолок, мусорных дел мастер, современный **Плюшкин**. <...>

– А лошадь-то тебе зачем?

– Да, – машет рукой, – театр “Эрмитаж” реквизит списывал, я и забрал.

Вот он весь в этом. Натуральный **Плюшкин**. Залежи фуфаяк, отдельные коллекции крепдешинных платьев, тубетеек, среднеазиатских халатов. *МК, 24.02.2001.*

Однажды утром Катя решила навести марафет в запущенной холостяцкой квартире, добрую половину которой занимал ненужный хлам.

– Ты же настоящий **Плюшкин**, – весело объявила она пришедшему под вечер мужу и указала на гору старого барахла, сложенную в прихожей. – Пойдем отнесем все это на помойку. *МК, 17.03.2001.*

[Ситуация в России после реформ Александра I: наступление реакции и подавления инакомыслия.] И вернулся кошмар. **Молчалины**, которые за время реформ успели стать **Чацкими**... да и некоторые **Репетиловы** к ним примкнули... вернулись в свое молчалинство. Но кто бросит в них камень? *т/п: Э.Радзинский, Роковые минуты истории.*

С работой, которую нельзя доверить компьютеру, справится талантливый «скульптор» в белом халате – этакий **Микеланджело** от стоматологии. *МКБ, № 15, 2000.*

Изо всех сил муссировались просочившиеся в печать подробности: прибалтийский след обнаруженного на месте преступления карабина, женщина в черном, открыто интересовавшаяся у водителя, кого он ждет (прямо **Фанни Каплан** какая-то) <...>. *Ю. Дубов, Большая пайка.*

Может быть, есть хоть какая-то возможность отказаться от столь почетного задания? Сейчас ведь не **тридцать седьмой год**. Не расстреляют же меня, в конце-то концов! *Г. Куликова, Пенсне для слепой курицы.*

– У нас не **тридцать седьмой год** – по одному подозрению не расстреливают, – решила Митрофанова. – Значит, и паниковать нечего. Все образуется. *Литвиновы, Коллекция страхов прет-а-порте.*

– Вы тут ерундой не занимайтесь, – начал злиться Сеня, – везите их в отделение.

– Момент, господа, – расцвел я в улыбке, – на дворе не **тридцать седьмой год**! Где санкция прокурора? В чем меня обвиняют? Просто так схватить человека нельзя. *Д. Донцова, Продюсер козьей морды.*

Все делалось для того, чтобы создать в обществе мнение о том, что глава правительства ведет страну чуть ли не к **1937 году**. *Е. Примаков, Восемь месяцев плюс...*

Все выборное действо со стороны напоминало эдакий **совет в Филях**, только с некоторым налетом самоиронии. *МК, 19.10.2002.*

Данная связь между ПФ и его «источником» сохраняется, даже если написание имени видоизменяется, например, пишется то с прописной, то со строчной буквы, или составное имя пишется слитно¹⁰. Следует отметить, что такого рода изменения в написании, особенно закрепленные в повседневной практике, могут свидетельствовать об ослаблении «прецедентности» и дрейфе ПФ к периферии системы (как в случае с *Пинкертоном* и, пожалуй, *Варфоломеевской ночью*). Но в данном случае я постаралась в основном привести в качестве примеров те феномены, которые в общем и целом сохраняют сегодня свою «прецедентность» (в первом примере также представлены случаи употребления имени *Дон Жуан* в «прямом» значении и как ПФ; различные употребления разделены знаком ⇔; в остальных случаях я позволила себе привести примеры только на собственно ПФ):

Дон Жуан – один из героев «Маленьких трагедий» А.С. Пушкина.

⇔

В эту женщину были влюблены самые блестящие люди века. <...> Ей объяснялся в любви самый блестящий **донжуан** Франции – принц Лозен. И граф Алексей Орлов, самый блестящий **донжуан** России... *Э. Радзинский, Княжна Тараканова.*

А в детстве мы все гении, маленькие **Эйнштейны**. *МК, 24.01.04.*

К примеру, широко распространяется стереотипное отношение к ученым и особенно академикам – мол, это такие очень заслуженные и

¹⁰ См., напр., *Дон Кихот / дон Кихот / дон кихот / донкихот* и производные *донкихотский, донкихотствовать, по-донкихотски; Баба Яга / Баба-Яга / баба яга*, а также *бабки-ежкин* (поскольку *бабки ежки* – мн.ч.) и др.

умные люди, **эйнштейны**, энтузиасты науки и бессребреники. *МК, 24.03.2001.*

Она [американка-хозяйка отеля] всегда верила – у каждого народа найдутся свои **эдисоны** и **маркони**. *О. Андреев, Отель.*

Американский врач-реаниматолог Раймонд Моуди за три десятка лет, похоже, приучил человечество к мысли, что остановка сердца и отключение мозга – еще отнюдь не конец. <...> Однако сторонники материализма игнорировали важнейшие нюансы из эмпирики Раймонда Моуди, Элизабет Кублер-Росс и других **колумбов** предсмертья. *МК, 10.01.2005.*

Злость на Леху постепенно проходила. Рано или поздно он заявится – не буду же я сидеть здесь вечно. А когда он заявится, я устрою ему **Варфоломеевскую ночь**. А потом, когда лимит на гугенотов будет полностью исчерпан, дам ему овладеть собой... *В. Платова, Купель дьявола.*

Домчавшись до метро, я рухнула на скамейку и перевела дух. «Арт-Мо» работает допоздна, можно прямо сейчас поехать к предприимчивой Маше Говоровой и устроить той **варфоломеевскую ночь**. <...> Сдается мне, что Говорова, во-первых, знает, кто убил Лену... Во-вторых, Машенька в курсе того, кто взял деньги... *Д. Донцова, Домик тетушки лжи.*

Собственно говоря, в этой связи ПФ и его «источника» и скрыта, как мне кажется, одна из специфических черт ПФ, отличающих их, в частности, от собственно языковых единиц: при использовании имени такого феномена в «прямом» значении мы всегда имеем дело с именем собственным конкретного лица, произведения, события и под. Кстати, именно так, как мне представляется, мы можем обнаружить следы прецедентности в том случае, если сама единица уже перешла (или переходит) в разряд имен нарицательных. Попробую показать это на конкретных примерах.

Возьмем за исходную точку следующий постулат: *имена нарицательные* служат для идентификации конкретного предмета как принадлежащего классу; *имена собственные* – для именованья / идентификации конкретного, уникального предмета (класса в данном случае нет; вспомним в связи с этим знаменитый пример с *Fido* и “*fidoness*”); *имена прецедентных феноменов* (собственно прецедентные имена, имена прецедентных ситуаций и текстов) – для именованья / идентификации конкретного, уникального предмета (тогда это – имена собственные) или для идентификации другого предмета как сопоставимого с данным, конкретным, уникальным (тогда это – ПФ) (об именах собственных писалось очень много, немало работ уже и по прецедентным именам; подробнее см. работы А.В. Суперанской – об имени

собственном, Д.Б. Гудкова – о ПИ). Как известно, выявить прецедентность (изначально имени собственного) проще всего с помощью местоимений *наш, ваш, этот* и под., прилагательных *новый, современный* и под., конструкций типа *наших дней, нашего века* и под., отождествительных, сопоставительно-противительных конструкций и т. д. (мн.ч. мы в данном случае не рассматриваем, т. к. там наблюдается явная тенденция к нарицательности, поэтому, кстати, имена в форме мн.ч. часто пишутся со строчной буквы: *эйштейны, ломоносовы, суворовы*; даже *эдисоны* и *маркони*, которых трудно однозначно отнести к собственно ПФ – к тем ПФ, о которых мы говорим сейчас). Ср.:

Это **Обломов**, а не **Штольц**.

Это наш **Обломов** (а не **Штольц**).

Россия – страна сложная... страна не колбасная. Это не страна **Штольца**... Не страна **Обломова** – это точно. Но и не страна **Штольца**... (Э. Радзинский в т/п «Итоги. Ночной разговор», 07.02.1999)

– **Гордон** – конкретный пример Обломова. Обломова перестройки... он перестроил душу...

– Да я **Штольц** скорее, чем **Обломов**. (т/п «Вместе», 10.03.2000)

Это **Лев Толстой**, а не Достоевский.

Это наш **Лев Толстой**. / Это новый **Лев Толстой**. / Это **Лев Толстой** нашего времени.

– И зачем только приезжают эти русские? Все пишут и пишут, будто у нас посмотреть нечего.

– Тоже мне **Львы Толстые**. (Реклама SMS в роуминге, 2010)

Это **Ватерлоо**; Это **Ватерлоо**, а не **Бородино**.

Это наше /новое **Ватерлоо** (а не **Бородино**).

Это наше **Ватерлоо**, а не победа.

Это «**Война и мир**», а не «Анна Каренина».

Этот роман – «**Война и мир**» XX века.

– Ты говорил небольшое произведение, а это «**Война и мир**» просто.

Но для нас в данном случае гораздо больший интерес представляет не то, чем отличаются имена ПФ от имен собственных или нарицательных, а то, где проходит граница прецедентности, чем различаются собственно ПФ и феномены, утратившие статус таковых,

например, в чем разница между *ловеласом* и *Дон Жуаном*¹¹, *пинкертоном* и *Шерлоком Холмсом*, т. е. сохранили ли след прецедентности имена *ловелас* и *пинкертон* и если да, то где он, где его можно увидеть. Итак, попробуем обнаружить, если он есть, след прецедентности.

Представим себе возможные ответы на вопросы: «Кто такой Дон Жуан / ловелас?» и «Кто такой дамский угодник¹²?» (1) / «Кто дамский угодник?» (2)

Дон Жуан	ловелас
Дон Жуан – это дамский угодник. <i>семантизация</i>	Ловелас – это дамский угодник. <i>семантизация</i>
Дон Жуан – это ловелас. <i>семантизация</i>	Ловелас – это Дон Жуан. <i>иллюстрация</i>
Дон Жуан – это испанский ловелас. <i>семантизация</i>	*Ловелас – это английский Дон Жуан. <i>невозможно</i>
(1) *Дамский угодник – это Дон Жуан. <i>невозможно</i>	(1) Дамский угодник – это ловелас. <i>семантизация</i>
(2) Дамский угодник – это Дон Жуан. <i>иллюстрация</i>	(2) *Дамский угодник – это ловелас. <i>невозможно</i>

¹¹ Правильнее было бы, конечно, писать «*доном Жуаном*», но, как мы уже говорили, ПИ позволяет подобные «метаморфозы» написания. Более того, современное написание этого имени имеет множество вариантов: *Дон Жуан*, *дон Жуан*, *дон жуан*, даже *донжуан*. Кстати, отмечу, что компьютерный редактор старается исправить и всячески выделяет как ошибку написание имени донна с маленькой буквы (если пишется в два слова: *дон жуан*), но при этом воспринимает как само собой разумеющееся написание этого имени с маленькой буквы в одно слово – *донжуан*. Думается, что неизменяемость первой части составного имени – тоже одно из свидетельств в пользу прецедентности имени; см.: *Так же может оправдаться и обычный грабитель: "Я же бью кирпичом по голове только богатых, которые награбили деньги у народа!" Такие современные робин гуды... МК, 26.03.2003.*

¹² Проведенный лингвистический эксперимент показал, что в данном случае может использоваться и семантизация 'соблазнитель женщин' (предлагаемая толковыми словарями на единицу *ловелас*), но мы выбрали 'дамский угодник' как вариант с более широкой семантикой и меньшей негативной оценочностью. В ряде контекстов вполне допустим и вариант 'бабник', однако он обладает стилистической маркированностью и несет значительную негативную оценку, в силу чего он в большей степени подходит для контекстов с *ловеласом* и смазывает картину в контекстах с *Дон Жуаном*. Таким образом, выбранный нами вариант является наиболее нейтральным, наиболее широким и предстает как общая «сема» *ловеласа* и *Дон Жуана*.

Дон Жуан в данном случае может рассматриваться и как имя собственное, и как прецедентное имя (столь короткие контексты это позволяют), а *ловелас* – как имя нарицательное: во-первых, выделенные светло-серым примеры показывают, что дамский угодник и ловелас «работают» одинаково, во-вторых, выделенные темно-серым примеры свидетельствуют о том, что *ловелас* на уровне КБ не может использоваться ни как имя собственное, ни как прецедентное (хотя это и нельзя полностью исключить на уровне отдельных ККП).

Посмотрим, как эти единицы (*Дон Жуан* и *ловелас*) употребляются в текстах и возможны ли их взаимозамены.

Великий террорист Леонид Красин... Блестящий инженер, красавец, прославившийся успехами у женщин. Но главной страстью этого **донжуана** были бомбы. Бомбы для революции. Э. Радзинский, *Сталин*.

Надеюсь, на жизненном пути ей не встретится еще один богатый и влюбчивый идиот. Да, эту историю следует отпечатать и повесить на дверях загса, чтобы престарелые **донжуаны** знали, чем рискуют, меняя прежних жен на молодых и прекрасных. Д. Донцова, *Бассейн с крокодилами*.

Почему-то на этой встрече Димочке пришло в голову, что скальп Маруси Сурковой, бывшей отличницы, тихони и даже не синего, а «серого чулка», отлично украсит его коллекцию женских скальпов, собранную за солидную **донжуанскую** практику. Т. Устинова, *Большое зло и мелкие пакости*.

Сколько же всего было женщин, которых связывали с Чеховым амурно-романтические отношения? В **донжуанском** списке писателя довольно дам. МК, 09.02.2002.

Значит, я не ошиблась. Эдик попросту бабник, **ловелас**, обманул наивную Кирку. Д. Донцова, *Любимые забавы папы Карло*.

– А, – засмеялась тетка, – он у нас дамский угодник, **ловелас**, все хочет казаться помоложе. Одевается прямо как студент, никакой солидности. Ну девушки и мрут от восторга. Д. Донцова, *Дама с коготками*.

Если проанализировать данные контексты, то можно увидеть, что взаимозамены в них практически невозможны. За исключением, пожалуй, только последнего примера на *ловеласа*, где добавление образности *Дон Жуана* не меняет общего «смысла» текста. Во всех остальных случаях эта образность либо необходима (примеры с *Дон Жуаном*), либо (в примерах с *ловеласом*) избыточна и добавляет оттенки, которых в изначальном тексте нет.

А теперь представим себе возможные ответы на вопросы: «Кто такой Шерлок Холмс / пинкертон?» и «Кто такой сыщик?» (1) / «Кто сыщик?» (2)

Шерлок Холмс	пинкертон
Шерлок Холмс – это сыщик. <i>семантизация</i>	Пинкертон – это сыщик. <i>семантизация</i>
*Шерлок Холмс – это пинкертон. <i>невозможно</i>	*Пинкертон – это Шерлок Холмс. <i>невозможно</i>
Шерлок Холмс – это английский пинкертон. <i>семантизация</i>	Пинкертон – это американский Шерлок Холмс. <i>семантизация (ИС; С-ПИ)</i>
(1) *Сыщик – это Шерлок Холмс. <i>невозможно</i>	(1) *Сыщик – это пинкертон. <i>невозможно</i>
(2) Сыщик – это Шерлок Холмс. <i>иллюстрация</i>	(2) *Сыщик – это Пинкертон. <i>невозможно</i>

В данном случае имя *Шерлок Холмс* также может рассматриваться и как имя собственное, и как имя прецедентное (в силу краткости контекстов), а вот имя *пинкертон* заслуживает отдельного разговора.

Во-первых, с одной стороны, случаи семантизации показывают, что это имя «работает» как нарицательное, с другой – невозможность второго контекста (**Пинкертон – это Шерлок Холмс*) свидетельствует, что *Шерлок Холмс* не может служить примером (иллюстрацией) *пинкертона*, хотя легко это делает по отношению к *сыщику*. *Пинкертон*, в свою очередь, не может семантизировать *Шерлока Холмса* (**Шерлок Холмс – это пинкертон*), а вот *сыщик* для этого прекрасно подходит. Кроме того, пример (помечен темно-серым) с цифрой (1) также говорит о том, что *пинкертон* и *сыщик* не столь взаимозаменяемы, как только что рассмотренные *ловелас* и *дамский угодник* (ср.: *ловелас – это дамский угодник* и *дамский угодник – это ловелас*; *пинкертон – это сыщик*, но **сыщик – это пинкертон*). Иначе говоря, здесь мы находим определенное отличие *пинкертона* от «нарицательного» *сыщика*.

Во-вторых, возможность семантизации *Пинкертона* через *Шерлока Холмса* (самый темный блок) доказывает реальную возможность использования этого имени как имени собственного (ИС) и, возможно, социумно-прецедентного (С-ПИ).

В-третьих, невозможность использовать имя *пинкертона* в определенных контекстах (темно-серый блок с цифрой 2) доказывает, что оно едва ли является именем собственным или прецедентным, т. к. *пинкертона* не может служить примером (иллюстрацией) *сыщика*.

Таким образом, можно утверждать, что *пинкертона* утратил свою прецедентность подобно *ловеласу*, но в отличие от последнего сохранил определенный ее след. Подтверждением утраты прецедентности (образности, инварианта восприятия) служат также, на мой взгляд, следующие примеры: *пинкертона в юбке* = ‘женщина-сыщик’ ≠ *Шерлок Холмс в юбке* (не просто женщина-сыщик, а женщина-сыщик, обладающая определенным набором качеств, способностей, привычек и т. д.); *Пуаро – бельгийский пинкертона* и *Мегрэ – французский пинкертона* = ‘бельгийский / французский сыщик’ ≠ *Пуаро – бельгийский Шерлок Холмс* (комментарий такой же, как в предыдущем случае) и, пожалуй, невозможность **Мегрэ – французский Шерлок Холмс* (поскольку Мегрэ – комиссар парижской полиции, а Шерлок Холмс, как мы помним, частный сыщик). Вместе с тем, мы можем найти и подтверждения следа прецедентности, например: *Он скорее Пинкертона, а не Шерлок Холмс* ≈ *Он скорее Пуаро, а не Шерлок Холмс* (кроме того, см. последний из приводимых далее примеров).

А теперь посмотрим, как эти единицы употребляются в текстах и возможны ли их взаимозамены.

– **Но вы действительно эксперт по расследованиям? – уточнил Марк.**

– Да, – кивнул Дронго. – Я работал специальным экспертом ООН и «Интерпола». Но это все было достаточно давно.

– Значит, мы видим перед собой живого **Шерлока Холмса**, – торжествующе сказал Марк. – По-моему, нам нужно взять у вас автограф на память. *Ч. Абдуллаев, Смерть на холме Монте-Марио.*

Все-таки странно: не очень молодая, но здоровая и полная жизни женщина внезапно умирает, а милиция, даже не настаивая на вскрытии, утверждает, что Лариса погибла от сердечного приступа. Комнату и то не осмотрели, **Шерлоки Холмсы!** Уму непостижимо! *Д. Донцова, Дама с коготками.*

Неужели серьезно полагаете, что сумеете вычислить убийцу? Это же игра в разбойников. Полагаю, вы не считаете себя **Шерлоком Холмсом**? *Ч. Абдуллаев, Плата Харону.*

Надо же, как плохо подчиненные противного Витьки обыскали помещение. А еще обзывает других постоянно действующим несчастьем! Лучше бы проследил за своими **Шерлоками Холмсами**, такую улику не заметили! *Д. Донцова, Привидение в кроссовках.*

– <...> насколько я знаю, вы недавно были вместе с генералом Гургенидзе в США в совместной командировке. Именно поэтому мы посчитали, что нам нужно с вами поговорить.

– Это вам сообщили наши **Пинкертон**? – зло осведомился Аситашвили, глянув на Джибладзе и Тамару [сотрудников МВД Грузии].
Ч. Абдуллаев, Когда умирают слоны.

В Афинах только что побывала оперативно-следственная группа их России <...>. Обмен материалами, которые имеются у обеих сторон, с местными **пинкертонами** позволяет сделать сенсационные выводы. *МК, 15.02.2002.*

– **Костюм от Ле Монти – это маскировка?**

– Почему?

– Трубка у вас больно занятная. Номерная.

– Вы не правнучка **Пинкертона**?

– Я из рода **Шерлока Холмса**.

«Нет, подумал Пайпс, ты, детка, из рода Мата Хари. И за платьицем этого не спрячешь.» *О. Андреев. Отель.*

Анализ приведенных контекстов показывает, что взаимозамены в них практически невозможны. Исключение составляет, пожалуй, последний пример на *Шерлока Холмса*. Думается, что ограничением в данном случае (так же как и в случае с *Дон Жуаном* и *ловеласом*) является прецедентность одного имени (*Шерлок Холмс*) и отсутствие таковой у второго (*пинкертон*). Особый интерес в этом смысле представляет последний пример, в котором и *Пинкертон*, и *Шерлок Холмс* используются в одном контексте как имена собственные (что свидетельствует в пользу следа прецедентности у пинкертона).

Как мы видели, следы прецедентности проявляются, в том числе, в ограничении контекстов, в которых бывшие некогда прецедентными феномены не могут употребляться. Например: *Айболит – это врач; Айболит – это доктор* (причем совершенно необязательно, что только «звериный»); см.:

<...> никто из нас, включая дипломированного ветеринара Дениску и желающую стать **Айболитом** [ветеринаром] Маню, не способен определить, кем является Че [странное существо, случайно оказавшееся в доме]. *Д. Донцова, Лягушка Баскервилей.*

Из ординаторской вышел давешний врач и замер, увидев Алину и Потапова. Ну что? Скушал, дорогой доктор **Айболит** [«человеческий» доктор]? Или все еще мечтаешь отвести ее в сосисочную на той стороне Садового кольца, а потом в свою совмещенную хрущевку? *Т. Устинова, Большое зло и мелкие пакости.*

Но при этом невозможно *Айболит – это эскулап, возможно только Айболит – это звериный эскулап (или соответствующий контекст).

С другой стороны, о потере прецедентности может свидетельствовать как раз расширение круга контекстов, когда утрата образности, инварианта восприятия снимает ограничения на употребление. Например:

Главный ужас машиниста – «анны каренины», бросающиеся под поезд, а их за год набегает немало: около 50 «сознательных» самоубийц и еще вдвое больше, человек 100, поскользнувшихся и вытолкнутых на рельсы толпой. *АиФ, №47, 2004.*

Вспомним, что инвариант восприятия ПФ *Анна Каренина* – ‘женщина, бросившаяся под поезд’, а в данном случае уже неважно, мужчина или женщина, осознанно или случайно, главное – ‘человек на рельсах’.

В заключение этого фрагмента рассуждений замечу, что к проблеме определения границ прецедентности можно подходить с разных точек зрения. Моя задача состояла не в том, чтобы представить различные подходы, но лишь в том, чтобы показать некоторые из возможных вариантов.

Что касается постоянной *возобновляемости* в дискурсе (третьего из приведенных в начале разговора признаков ПФ), то, как я уже говорила, она оказывается факультативным требованием для подавляющего большинства ПФ, но при этом является обязательной для других единиц (например, фразеологизмов), в силу чего она (возобновляемость) не может быть однозначно признана дифференциальным признаком только и именно ПФ и не включается нами в их определение.

Поскольку ПФ являются ВИДОМ *ПРЕДСТАВЛЕНИЙ*, т. е. ментефактами, они могут быть либо лингво-когнитивной природы, либо – реже – собственно когнитивной. Отмечу, что ранее уже неоднократно писалось о «вербальности» / «невербальности» ПФ (в авторских и совместных работах Д.Б. Гудкова, И.В. Захаренко и автора данной работы). Однако с учетом всего, сказанного ранее о природе ментефакта как такового, мне представляется необходимым сделать целый ряд уточнений.

Напомню, что первоначально среди ПФ выделялись невербальные и вербальные феномены. К первым причислялись произведения живописи, музыки, архитектуры и проч. Среди последних разграничивались феномены собственно вербальные и вербализуемые. Выделяемые среди вербальных феноменов четыре типа ПФ распределялись следующим образом: собственно вербальные – прецедентное имя и

прецедентное высказывание; вербализуемые – прецедентная ситуация и прецедентный текст.

Сегодня более корректным мне представляется говорить не о вербальных / невербальных ПФ, но о ПФ *собственно когнитивной* или *лингво-когнитивной* природы (т. е. рассматривать их так же, как мы это делали, рассуждая о ментефактах). Приведу в качестве аргумента следующие соображения.

Во-первых, даже прецедентное имя и прецедентное высказывание, т. е. ПФ, имеющие фиксированную вербальную форму, едва ли могут быть однозначно определены как собственно вербальные феномены, ибо по природе своей они – сложный образ, обязательно включающий в себя, помимо собственно вербальной, еще и образно-эмоциональную составляющую (в данном случае я «выношу за скобки» прецедентные высказывания с дефектной парадигмой – обладающие только поверхностным значением, живущие по своим, несколько отличным законам; они скорее исключение, лишь подтверждающее общее правило).

Во-вторых, каждый раз, говоря, например, о прецедентном тексте или прецедентной ситуации, приходилось делать серьезные оговорки, касающиеся того, что они объединялись в одну группу вербализуемых ПФ, будучи при этом изначально принципиально различными феноменами. Ведь, действительно, сам текст (текст-источник) – феномен вербальный, а ситуация (ситуация-источник, даже если она «пришла» к нам из описания) – невербальный (описание ее вербально, а сама ситуация – нет). Однако и прецедентный текст, и прецедентная ситуация явлены нашему сознанию в виде *инварианта восприятия*, который предстает как некий сложный образ, включающий в себя как собственно образно-эмоциональную, так и вербальную составляющую (в качестве каковой могут выступать имя прецедентного текста или прецедентной ситуации, имена их атрибутов и т. д.).

Таким образом, *все* данные феномены имеют одну онтологию: они предстают как сложный образ, являющийся совокупностью вербальной составляющей и образно-эмоциональной составляющей. Рассматриваемое разграничение во многом предопределялось, как мне кажется, смешением, с одной стороны, природы «источника», с другой – наличием жестко фиксированной языковой формы, что в целом, пожалуй, не слишком оправдано.

В-третьих, такую же онтологию (целокупность вербальной и образно-эмоциональной составляющих) имеют и другие феномены, изначально исключавшиеся из числа «вербальных»: например, произведения живописи, музыки и т. д.

В свете всего только что сказанного подход, предлагаемый мною сегодня, позволяет, на мой взгляд, более корректно дифференцировать феномены различной природы.

Итак, к числу ПФ *собственно когнитивной природы* следует относить следующие:

- 1) источники которых изначально создавались с помощью знаков иных семиотических систем, нежели язык;
- 2) инвариант восприятия которых не включает в себя вербальную составляющую;
- 3) апелляция к которым возможна только с помощью невербальных знаков.

Например, один из уже ушедших в небытие анекдотов, посвященных музыкальной сфере, был построен на знаменитом бетховенском «бэ-бэ-бэ-бэ-э-э-э», которое обязательно должно было «пропеваться», при этом отсутствие у рассказчика музыкально-вокальных данных только приветствовалось (хотя на социумном уровне – в коллективном когнитивном пространстве музыкантов, музыковедов, знатоков и любителей музыки и/или творчества Бетховена, вполне вероятно, что данный феномен – музыкальное прецедентное высказывание – существует как феномен лингво-когнитивный, имеющий свое «имя»). При этом изначально собственно когнитивные феномены могут поддаваться вербализации, например, через именованное. Если «имя» «вплавляется» в инвариант восприятия ПФ, становясь его неотъемлемой частью, то сам феномен переходит в разряд феноменов лингво-когнитивных: таковы, например, *улыбка Джоконды*, *«Бурлаки на Волге»*, *Версаль*, *«Щелкунчик»* и под.

К числу *лингво-когнитивных* феноменов относятся ПФ:

- 1) источники которых изначально создавались с помощью знаков языка (исключительно или в сочетании со знаками других семиотических систем);
- 2) инварианты восприятия которых включают вербальную составляющую;
- 3) апелляция к которым возможна с помощью языковых знаков, именующих, называющих, описывающих либо сам феномен, либо его атрибут (необходимый и/или достаточный для обращения к самому феномену).

Остановимся на инварианте восприятия ПФ лингво-когнитивной природы чуть подробнее, поскольку здесь все несколько сложнее, нежели в случае с ПФ *собственно когнитивной природы*. Итак, вербальная составляющая инварианта восприятия может быть присуща феномену:

1) либо ингерентно («по рождению»; таковы в первую очередь прецедентные имена, прецедентные высказывания, прецедентные тексты);

2) либо адгерентно («благоприобретена»; прецедентные ситуации, а также рассмотренные ранее ПФ собственно когнитивной природы, инвариант восприятия которых обрел вербальную составляющую).

В последнем случае вербальная составляющая может быть представлена:

1) либо «именем собственным» данного ПФ, обретенным им в процессе становления (имена прецедентных ситуаций, различных произведений, ставших прецедентными, из «невербального мира» – музыки, живописи, скульптуры и под.);

2) либо некоторым набором «имен» атрибутов конкретного ПФ, с помощью которых осуществляется апелляция к данному ПФ в процессе коммуникации (например, *полночный бой часов, потерянная туфелька* и под.).

Таким образом, у нас получается, что прецедентная ситуация – феномен изначально *собственно когнитивной* природы, перешедший в разряд феноменов *лингво-когнитивной* природы, которому изначально принадлежат прецедентный текст, прецедентное имя, прецедентное высказывание. Однако следует заметить, что между данными феноменами, с точки зрения их природы, есть более тонкие различия, на которых мы сейчас не имеем возможности останавливаться.

И еще несколько коротких замечаний, касающихся ПФ в целом. Будучи ментефактами, ПФ имеют уровни, выделяемые с учетом их «масштаба» и «широты охвата». Соответственно, выделяются *СОЦИУМНО-ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ* феномены (т. е. прецедентные для любого среднего представителя данного социума) и *НАЦИОНАЛЬНО-ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ* феномены (т. е. прецедентные для любого среднего представителя данного национально-лингво-культурного сообщества). Вопрос о наличии «универсально-прецедентных» феноменов, как уже отмечалось, на сегодняшний день остается открытым.

СОЦИУМНО-ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ феномены входят в *КОЛЛЕКТИВНЫЕ КОГНИТИВНЫЕ ПРОСТРАНСТВА*. *НАЦИОНАЛЬНО-ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ* феномены входят в *КОГНИТИВНУЮ БАЗУ*. И те, и другие входят в *КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО*.

Что касается природы ПФ, о которой мы только что говорили, то, как мы видели (на примере музыкальных произведений, в частности), один и тот же феномен, являющийся прецедентным и на социумном, и

на национально-культурном уровне, может иметь различную природу в различных совокупностях (ККП и КБ).

В фокусе внимания в данном случае находятся в первую очередь **НАЦИОНАЛЬНО-ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ** феномены. Особо подчеркну, что для самих национально-прецедентных феноменов, как уже неоднократно писалось, абсолютно *неважна* их «историческая родина» – откуда тот или иной феномен пришел в культуру. Так, если феномен является прецедентным для русской культуры / лингвокультуры, то это *русский* прецедентный феномен. При этом русский инвариант его восприятия может принципиально различаться с инвариантом его же восприятия в другой культуре. Иначе говоря, формально может казаться, что мы имеем дело с одним феноменом (есть совпадение по форме), но по сути мы перед нами может быть два (и более – в зависимости от числа сопоставляемых культур) феномена (есть расхождение по «содержанию»); ср., например, русский *Дон Кихот* и испанский (даже шире – европейский) *Дон Кихот*; русский «*Том Сойер*» и американский «*Том Сойер*»; русское *Бородино* и французское *Бородино* и т. д. и т. п. И, кстати, такого рода случаи – серьезный источник потенциальных конфликтов при межкультурной коммуникации, а посему изучать данные «конфликтно-генные зоны» сгущения культураносных смыслов необходимо не только ради удовлетворения собственного научного любопытства, но и для того, чтобы облегчить процесс взаимопонимания при межкультурном взаимодействии.

И последнее. С позиций психолингвокультурологии ПФ рассматриваются в первую очередь как ментефакты, как единицы *КУЛЬТУРЫ* и *ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ*, но, если в фокусе внимания оказывается проявление культуры в языковых процессах и/или культуры и лингвокультуры в речевой деятельности человека говорящего, то они могут рассматриваться и как единицы *ДИСКУРСА*.

4.2. Духи, артефакты вторичного мира и стереотипы

Очень коротко представлю уточненное понимание оставшихся трех видов представлений. Итак.

ДУХ – это являющийся коллективным достоянием результат эмоционально-образного восприятия персонажа низшей мифологии в условиях определенной культуры (напр.: *домовой, водяной, русалка, кикимора, леший* и под.).

АРТЕФАКТ ВТОРИЧНОГО МИРА – это являющийся коллективным достоянием результат эмоционально-образного восприятия «волшебного» предмета в условиях определенной культуры (напр.: *скатерть-самобранка, сапоги-скороходы, ковер-самолет* и под.).

СТЕРЕОТИП – это являющийся коллективным достоянием результат эмоционально-образного восприятия некоторого класса однотипных феноменов в условиях определенной культуры (напр.: *экзамен, очередь, бож, лиса, яхта олигарха* и под.).

Из представленных дефиниций со всей очевидностью следует, что все данные виды *ПРЕДСТАВЛЕНИЙ* обладают, подобно ПФ, следующими чертами:

- 1) носят *сверхличностный* характер, т. е. являются общим для – как минимум – двух представителей национально-лингвокультурного¹³ сообщества;
- 2) обладают *эмотивностью* и *аксиологичны* по природе своей, т. е. связаны с эмоциями и оценками;
- 3) обладают *образностью*;
- 4) формируются *на основе восприятия*.

Критерием разграничения / разбиения всех видов представлений является их «источник»:

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ имеют своим «источником» *уникальный, единичный феномен*; в этой уникальности и единичности их принципиальное отличие от всех других видов представлений;

ДУХИ – персонаж низшей мифологии; они едины в своей множественности;

АРТЕФАКТЫ ВТОРИЧНОГО МИРА – «волшебный» предмет, который герои создают или обретают и с которым они имеют дело; они, подобно духам, могут быть едины в своей множественности, но в отличие от них артефактивны; и именно артефактивность отличает данный вид от других представлений;

СТЕРЕОТИПЫ – класс однотипных феноменов (предметов, действий, ситуаций и под.); в данной изначальной множественности однотипных «источников» заложено принципиальное отличие стереотипов от других видов представлений; в «природе» источника (действие, предмет, ситуация) кроется основа разграничения стереотипов: стереотипы поведения ↔ стереотипы представления {стереотипные ситуации ↔ стереотипные образы}.

В заключение особо подчеркну, что изучение когнитивной подсистемы лингвокультуры началось не так давно, и в этой области мы имеем, пожалуй, больше вопросов, нежели ответов.

¹³ Напомню, что в данном случае мы обсуждаем феномены именно этого «уровня».

Л и т е р а т у р а

1. *Банникова С.В.* Прецедентность как лингвокультурный феномен (на материале английских и русских текстов). АКД; 2004.
2. *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. М., 1996.
3. *Завьялова К.В.* Функционирование прецедентного текста и прецедентного имени: сказка «Золушка» в русской, американской, испанской и венгерской лингвокультурах. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2007.
4. *Зайкина С.В.* Эмоциональный концепт «страх» в английской и русской лингвокультурах (сопоставительный аспект). Волгоград, 2007.
5. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М., 1997.
6. *Кронгауз М.А.* Русский язык на грани нервного срыва. М., 2008.
7. Краткий словарь когнитивных терминов. / Под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М., 1996.
8. *Лакофф Дж.* Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. Москва, 2004.
9. *Леви-Брюль Л.* Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1994.
10. *Московичи С.* Век толп. Исторический трактат по психологии масс. М., 1998.
11. *Мурадова О.В.* Концептуальное поле СУДЬБА в современной русской лингвокультуре. Дипломное исследование. М., МГУ, 2008.
12. *Ришар Ж.Ф.* Ментальная активность. Понимание, рассуждение, нахождение решений. М., 1998.
13. *Сепир Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993.
14. *Сергеева Г.Г.* Прецедентные имена и понимание их в молодежной среде (школьники 10-11 класса). Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2005.
15. *Смыкунова Н.В.* Прецедентные феномены в речевом общении русской языковой личности и процессе обучения русскому языку как иностранному. АКД, М., 2003.
16. *Степанов Ю.С.* Константы: Словарь русской культуры. М., 2001.
17. *Тананина А.В.* Концептуальное поле «Любовь» и его предъявление в иноязычной аудитории. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2003.
18. *Чернейко Л.О.* Базовые понятия когнитивной лингвистики в их взаимосвязи // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 30. М., 2005. С. 43-73.
19. *Чернейко Л.О.* Лингво-философский анализ абстрактного имени. М., 1997.
20. *Чернейко Л.О., Долинский В.А.* Имя СУДЬБА как объект концептуального и ассоциативного анализа // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. 1996, № 6. С. 20-41.
21. *Шахнарович А.М., Юрьева Н.М.* Психолингвистический анализ семантики и грамматики. М., 1990.
22. *Шишкова Т.Г.* Концептуальное поле ДОБРО в русской лингвокультуре. Дипломное исследование. М., МГУ, 2010.
23. *Элиаде М.* Аспекты мифа. М., 2000.

Звуковая «картина» дальневосточной природы (на материале переводов с корейского и китайского языков)

© кандидат филологических наук Е.Н. Филимонова, 2012

(университет «Джунвон», Республика Корея)

Для дальневосточной литературы характерна и типична тесная связь образного мышления с природой, с непрестанно меняющимися явлениями окружающего мира, живыми картинами рек и гор, бесконечным многообразием растений и цветов. В этом находит отражение присутствующая народам Дальнего Востока мысль, что существование людей на земле в окружении природы прекрасно, полно красоты (см. об этом [Федоренко 1960: 492]). Тема природы является одной из основных частей любого произведения. Однако это не только яркие пейзажи, но и волны аромата, идущие от цветущих цветов и деревьев, а также музыка самой природы – ее звуки (*пение птиц, шум дождя, мелодия ветра, плеск воды, шорох листвы* и др.).

Данная статья посвящена анализу роли звуков и шумов в формировании звуковой «картины» природы в дальневосточных литературных произведениях. В статье определяется место звуков и шумов в моделировании времени в пределах года, а также суток, устанавливается их «сезонность», описывается символизм некоторых звуков, выделяются основные тематические подгруппы, среди которых растительные звуки, звуки животного мира и др.

Растительные звуковые образы

Растительные звуковые образы составляют относительно небольшую подгруппу по сравнению с подгруппой звуков животного мира.

Среди растительных образов высокой частотностью упоминания отличаются:

– *бамбук*: «*Бамбуковая роща зашумела*, словно обрадовалась человеку» («Повесть о Чёк Сёные» 1996, 107); «...*бамбук у реки шелестит* одиноко» («Светлый источник» 1989, 407);

– *сосна*: «У южной веранды // Растет молодая *сосна*... // ... Вершина ее // Под летящим *звенит* ветерком, // *Звенит* непрерывно, // Как музыка, ночью и днем» («Облачная обитель» 2000, 50);

– *утун*: «Только *утун* не хочет признать, // что срок увяданья пришел: // Редкими листьями на ветру // все *шуршит* и *шуршит*» (Там же, 145);

– *ивы*: «*Шумели* дряхлые *ивы*» (Там же, 146);

– *листва*: «Я заметила эту поляну днем: в небе плыли легкие облака, *шелестела листва*, пьянил чистый воздух» («Золотая птица Гару-

да» 1994, 257); «Но *шуришит* на ветру *листва...*» («Светлый источник» 1989, 407);

– *травы*: «...никнут желтые *травы, шуриша...*» («Классическая проза Дальнего Востока» 1975, 282);

– *лотосы*: «*Шелестя лепестками, //* заполнили *лотосы* пруд» («Китайская пейзажная...» 1984, 64).

Звуки животного мира

Большая часть природного *звукового пейзажа* в литературных произведениях представлена *голосами* различных представителей фауны. Среди них заметное место занимают орнитологические *звуковые образы*, многие из которых участвуют в моделировании идеальной картины мира на постоянной основе:

– *иволги*: «Золотая *иволга* приятным *щебетанием* зовет дружка, радуясь сиянию весны» («Приключения зайца» 1990, 334);

– *соловьи*: «*Трель* несравненная слышна из рощи // Откуда прилетел ты, *соловей?*..» («Светлый источник» 1989, 396);

– *журавли*: «*Журавли курлыкают...* Не блаженство ли?...» («Приключения зайца» 1990, 338-339); «Оттуда ясно слышался *журавлиный крик*» (Ким Манчжун 2010, 37);

– *фениксы и павлины*: «*Фениксы и павлины перекликаются* друг с другом, ведут беседы» («Приключения зайца» 1990, 338-339);

– *попугаи, кукушки, голуби, вороны, сороки*: «Вот это Кленовые скалы. *Попугаи, кукушки, иволги* наперебой *щебечут, заливаются*; «*Кужуют кукушки, каркают вороны, воркуют голуби*. Это ли не дивная красота?» («Верная Чхунхян» 1990, 338-339; 334-335); «Сёный захотел спуститься, и тут раздались *крики ворон и сорок...*» («Повесть о Чёк Сёные» 1996, 85);

– *утки и гуси*: «... в дальние края бреду. *Утки и гуси закрывают и загогогут...*» («Хрестоматия...» 2004, 85).

Обращает на себя внимание тот факт, что *стрекотение сороки* в древней Корее могло стать темой для сочинения на состязаниях поэтов:

«Вот вам и тема: *сорока стрекочет* среди персиковых цветов. Каждая из вас должна сочинить стихотворение в жанре “Оборванных строк”, по семи знаков в строке, и пусть там непременно будет что-то сказано о браке!» (Ким Манчжун 2010, 123).

Заметим, что в художественной литературе зачастую *голоса птиц* передаются при помощи звукоподражаний (ономатопей). Не секрет, что звукоподражания, встречающиеся в художественных переводах, как правило, рассчитаны на определенный стилистический эффект. Переводчик сохраняет их, ибо «нельзя перевести или заменить звукоподражательный ряд, возникший в единичном случае, специально созданный

для передачи того или иного природного звучания; здесь возможна только фонетическая транскрипция [Левый 1974: 126]. Не является новостью также и тот факт, что представители разных народов воспроизводят те или иные звуки живой и неживой природы по-разному. «Разница здесь в национальной традиции» [Влахов, Флорин 1986: 314].

Так, для русского *петух* кричит – «кукареку», а для корейца – «*ко-киё*»: «И кричит теперь *петух* по утрам, да так жалобно, будто плачет: *ко-киё!*» («Феи Алмазных гор» 1991, 46), *ворон* вместо «*кар-кар*» – «*ка-ок, ка-ок*»: «В те дни Чхунхян видела во сне, что <...> на тюремной ограде сидит *ворон* и *каркает*: “*ка-ок, ка-ок*”» («Корейские повести» 1954, 152), а разные *птицы* щебечут: «*Птичка проищала* в ответ что-то очень похожее на “*ын*”»; «Покинула дом *Нольбу* и *ласточка* со сломанными лапками. Взмыв высоко в небо, она *прощебетала* на прощанье: – Жестокий *Нольбу*! Весною в будущем году я снова вернусь сюда и тогда отблагодарю тебя за сломанные лапки. А пока будь здоров! *Чи-чи-ви! Чи-чи!*» («Верная Чхунхян» 1990, 313; 157); «Она поет “*хо-хо*”, – упрямылся Син, – значит, она *птица-хохотун*, а никакая не *иволга*» («История цветов» 1991, 174) или «На широком помещечьем подворье молотили ячмень: только и слышно было: *Хви-пхук! Хви-пхук!* И вдруг: *тя-ак!* – раздался *жалобный писк*» («Феи Алмазных гор» 1991, 242); «*М* – *чже-чже* – // *Поют* за окошком *птицы*»; «*Голос* звонкий – *гуа-гуа* // Это *горлица* с крыши *запела*» («Китайская пейзажная ...» 1984, 179; 109).

Некоторые энтомологические образы (*цикада, пчела, шмель*) также создают в переводном произведении гармоничную картину *звучащего мира природы*. Восхищение вызывают не только *соловьиные трели*, но и *стрекотание цикад, жужжание пчел, шмелей и мух*:

«Вдруг над его головой приятно *застрекотала цикада*. Он поднял голову. Эта *цикада* хорошо *поет*» («Предания гор Кымгансан» 1990, 90); «Над пионами *жужжит пчела*» («Бамбук в снегу» 1978, 281); «Среди пионов *шмель жужжит*» («Верная Чхунхян» 1990, 334); «*Мухи* набросились на ваше тело, // *жужжат* весь день с утра» [Троцевич 2004: 215].

Среди других звуковых образов животных особое место занимает *тигр*. В дальневосточной ментальности *тигр* почитался как царь зверей и хозяин леса («Корейские предания и легенды...» 1980, 131), символизировал силу, властолюбие, суровость, могущество, отвагу и свирепость (см. [Паукер 1904: 42]). *Шумы*, производимые *тигром*, вызывали у людей и животных священный ужас:

«А там полосатый разноцветный *тигр-великан* крадется, грозно опустив острую бороду из железных нитей. Вот ужас! *Рев* его подобен *грому*, башка с горой сравнится, спина, это полумесяц, а шерсть горит огнем... Он натывается на все, рыщет по ущельям, на камни налетает с

грохотом, и с треском валятся деревья. Он величав и грозен. Настоящий владыка гор!... *Тигр вздохнет* разок поглубже – *деревья закачаются*, а *зарычит погромче* – *горы так заходят ходуном*. Небо темнеет, а душа уходит в пятки» («Повесть о зайце» 1960, 302-303).

Кваkanie лягушек отражено в дальневосточной поэзии:

«... как поет *лягушка*; такое услышишь только в деревне!» (Чонг Хен Джонг 2000, 10); «*Благоуханье рисовых цветов // Несет богатый урожай с собой. // И не о том ли мне из-за кустов // Лягушек сонм галдит* наперебой» («Китайская пейзажная ...» 1984, 191).

Многие *звуки*, издаваемые животными, в дальневосточной литературе имеют определенное символическое значение. Так, *дикие гуси, кричащие в ночи*, – традиционный символ посланника, приносящего весточку от родных, а *крик обезьяны* является символом тоски:

«В этот миг донесшийся откуда-то *крик гусей* и жалобные *вопли обезьян* в далеком лесу вновь разбудили в ее сердце тоску по родине» («Сон...» 1982, 190-191); «Только *обезьяны крик тоскливый // Над забытой* прозвучит могилой...» («Бамбук в снегу» 1978, 208).

Голос кукушки на Дальнем Востоке также символизирует скорбь и страдания, поэтому ее «плачь» связывается с тоской по умершим и часто слышен над могилами:

«Не видать в горах людей – // Лишь могилы, лишь могилы... // Нет желаний, и тоской // Сердце поймано в ловушку. // Над душой моей пустой // *Плачет* жалобно *кукушка*» («История цветов» 1991, 282); «... на усыпальнице Хуанлинь печально *кукует кукушка*...» («Скитания госпожи Са по югу» 1960, 369).

Кукушка ассоциируется и с одинокой женщиной:

«Я буду тосковать без вас долгими осенними ночами одна в пустынных горах... Я стану вроде *кукушки*, что *кукует* ясными лунными ночами одна в пустынных горах» («Верная Чхун Хян» 1990, 61).

По поверьям, *крики совы* и *карканье вороны* предвещают скорую смерть:

«Там, за рекою, на крутой скале, // Что называют Лунною Горою, // *Кричит* в ночи зловеющая *сова*. // Поверье говорит: она вещает // Смерть молодой наложнице супруга, // Которая дурна собой и зла...»; «Сколько бы ни *каркала ворона*, // Разве я и мой старик умрем?» («Бамбук в снегу» 1978, 212; 213).

Крики сорок могут отождествляться с забвеньем, уходом в историю былого величия государств:

«Отсюда, казалось, я вижу // Дворец Кунъе знаменитый, // Над которым сегодня // Только *сороки кричат*. // Им, быть может, известны // Тайны паденья и взлета, // Расцвета и возвышенья // И гибели государств?» («Бамбук в снегу» 1978, 252).

Крик журавля извещает о прибытии бессмертного: «... вдруг в воздухе раздался крик журавля и перед ним предстал отшельник» («Сказание о госпоже Пак» 1960, 499) и служит напоминанием о прежней любви: «Протяжно курлыкал журавль, словно вспоминая о прежней любви» («Корейские повести» 1954, 187).

«Голоса» некоторых представителей животного мира связываются у жителей Дальнего Востока с предметами их материальной культуры:

«Жужжание пчел напоминало кипение воды в котле» («История цветов» 1991, 387).

Звуковые образы стихий

Природные явления всегда сопровождаются каким-либо звуком. В дальневосточной художественной литературе зафиксированы звуки различных стихий.

Это гром и молния:

«Загрохотал гром, и молния ударила прямо в дом Ынчжу. Трижды грохнуло так, будто расколось небо и разверзлась земля» («Лисий перевал» 2008, 166).

Считалось, что раскаты грома и появление во сне дракона предвещают рождение на свет великого человека:

«Перед рождением Кильдона приснилось отцу, будто загрохотал гром, сверкнула молния и на него ринулся с неба зеленый дракон с косматой взъерошенной бородой» («Верная Чхунхян» 1990, 255).

В литературе Кореи излюбленный звуковой образ *ветра* «по-корейски» специфичен и неповторим. Разный по силе и отсюда разный по производящим звукам *ветер* – это некий «сквозной» звуковой внесезонный образ, кочующий из произведения в произведение. Акустический «портрет» *ветра* таков:

– ласковый, теплый весенний *ветерок*, который убаюкивает: «Шелест ветра в соснах – тихое звучание комунго» («Повесть о зайце» 1960, 301); «...меня убаюкивает свист ветра в сосновых ветвях...» («Сон...» 1982, 374); *ветер производит легкий шум, шелест, шорох*: «Шуришит, шуришит ветер в бамбуках – эхо шороха под западной стрехой» [Троцевич 2004: 118];

– порывистый, холодный *ветер*, который «пронизывает тело и душу» («Сон...» 1982, 78): «Свистит ветер в зарослях крапчатого бамбука...»; «Опустели горы и реки, порывистый холодный ветер нес белые хлопья снега, и они, кружась, покрывали белояшмовой пеленой землю» (Там же, 78; 124);

– *ветер*, сопровождающий другие природные явления: «Гром загремит, и ветер зашумит...» («Бамбук в снегу» 1978, 163).

Однако даже шум ветра непостоянен:

«... Чисты и звонки ветров голоса, // но и они нередко замолкают» («Бамбук в снегу» 1978, 131).

Поэт даже шум ветра воспринимает через призму «свой-чужой»:

«Я у свечи сижу один и слышу, // Как ветер стороны чужой шумит» («Бамбук в снегу» 1978, 195).

Шум ветра может передаваться при помощи образного сравнения, в котором участвует другой образ из мира природы:

«Сильный порывистый ветер шумел как вода на речном перекаме» (Чхе Ин Хун 2002, 175).

Зачастую звуковая «картина» природы представлена в виде палитры звуков, своего рода «оркестра», где присутствуют звуки разного происхождения: от природных явлений до производных от них:

«А молнии продолжали сверкать, гремел гром, шумел ливень, неистовствовал ветер, трещала бумага, которой были оклеены двери, скрипели тюремные ворота, хлестали по стенам потоки воды...» («Корейские повести» 1954, 164).

Звуки, связанные с водой

Для дальневосточной литературы характерно постоянное обращение к водной стихии, к различным формам ее проявления. Звуки воды помогают представить нам силу природных явлений.

В корейской литературе описываются различные звуки, связанные с водой. Среди них:

– шум воды: «... кругом шумела, бурлила вода...» («Верная Чхунхян» 1990, 211);

– грохот морских волн: «Восточное море близко // ... И вот лазоревым флагом // Море взметнулось ввысь! // Как трубы и барабаны, // Волны гремят и грохочут // И разгоняют тучи, // Нависшие над водой» («Бамбук в снегу» 1978, 255);

– рев бушующей реки: «С гор низвергаясь, // с ревом мчится река...» («Облачная обитель» 2000, 199);

– красота и мощь падающей воды: «Рокотом града земле водопад // о себе подает весть. // Возносятся россыпи брызг в пустоту – // зерна: яшма и жемчуга» («Классическая поэзия...» 1977, 431);

– тихое журчание волн: «... тихо журчат волны...»; «Мерно плещутся волны» («Верная Чхунхян» 1990, 233; 237), а также родника, которое умиротворяет, несет душевный покой, способствует созерцанию: «Вершины скал и сто закатных красок // Отражены зеркальной гладью вод, // Темнеет лес, журчит родник прозрачный... // И восхищением душа полна» («Бамбук в снегу» 1978, 82).

Заметим, образ *родника*, таящегося где-то в глубинах гор и выдающего свое присутствие только *журчанием*, символизирует процесс постижения Дао (см. [Кравцова 2004: 369]).

– *спокойное состояние воды в озере*: «Осеннее озеро – яшмовой зеленью // тихо струится вода» («Классическая поэзия...» 1977, 448);

– *роса*: «... с голубого утуна звонко капает прозрачная роса, словно журавль проснулся» («Верная Чхун Хян» 1960, 55).

В художественной литературе подчеркивается единое происхождение небесного света и *шума*, исходящего от одной из самых могущественных стихий – *воды*:

«Свет в небесах и шум волны внизу – // У них единое начало в мире» («Бамбук в снегу» 1978, 160).

Звуки, связанные с *водной стихией*, являются неременной составной частью дальневосточного пейзажа. Без горных и водных образов в дальневосточной литературе немислима идеальная картина природы. Однако если горе приписывается «безмолвие», то горная *речка* отличается «говорливостью»:

«Всегда молчит зеленая гора, // А речка синяя всегда струится...»; «Над крутизною скал дорога вьется // Шум горной речки слышится внизу» («Бамбук в снегу» 1978, 80; 65).

Звуки, издаваемые так называемыми «околоводными» образами, также используются в пейзажных зарисовках:

«... резвятся и плещутся в воде золотые рыбки, похожие на пиалы...» («Роза и Алы Лотос» 1974, 322).

Волны – это граница, отделяющая мир «суеты» от мира природы:

«Шум волн не считай неприятным! // Он преграждает путь пыли и гомону мирскому» (цит. по: [Никитина 1994: 139]); «Пускай всегда гремят валы морские // И заглушают дальний шум мирской!» («Бамбук в снегу» 1978, 145).

Для отшельника, оставившего мир «суеты», *река*, ее *волны* представляются местом, где он сможет обрести вечный покой, и только *волны* будут скорбеть о его уходе:

«Когда умру, пускай речные волны // возьмут к себе мой охладевший прах. // Пусть у далеких отмелей Хангана // Они рыдают и о берег бьются...» («Бамбук в снегу» 1978, 90).

Образ *реки* здесь географически конкретен: речь идет о *реке Хан*, которая протекает через Сеул, столицу Республики Корея, и впадает в Желтое море.

Образ волн передает душевное состояние героя:

«И умолкают, всхлипывают волны? // И все напоминает мне о нем!» («Бамбук в снегу» 1978, 117).

Некоторые «водные» образы, звуки, которые они *издают*, связаны с легендами:

«Не здесь ли дивные сады Улина? // Не здесь ли *Персиковый Ключ журчит?*» («Бамбук в снегу» 1978, 110).

Персиковые сады Улина – символ счастливой страны, своего рода обетованной земли, которую описал в «Персиковом источнике» китайский поэт Тао Юань-мин (см. об этом [Троцевич 1975: 184]).

Для звукоподражания *плеску волн* на Дальнем Востоке используются различные так называемые изобразительные слова. В Китае, например: «... волны – “чань-чань” – журчат» («Китайская пейзажная...» 1984, 130). В корейском языке также имеется большое количество подобных изобразительных слов (*чхулонг-чхулонг, номциль-номциль, чхольсок-чхольсок*), которые употребляются в речи для передачи звуков, издаваемых волнами, в зависимости от их размера и степени интенсивности звука.

Дождь – неизменный «герой» многих дальневосточных художественных произведений:

«Стекая со ступеньки на ступеньку, // *Звенит* о камень *струйка дождевая*» («Китайская пейзажная...» 1984, 189).

Дождь отражает настроение человека:

«Так много у меня тревог на сердце, // А тут еще *печальный звук дождя!*...» («Светлый источник» 1989, 355).

В Китае звуки *дождя* передаются следующим образом: «*Шумит* холодный дождик – “сао-сао”» («Китайская пейзажная...» 1984, 135), а в Корее это будет звучать как *босыль-босыль*.

Скрип снега под ногами в корейской литературе отождествляется с *кваканием лягушек*:

«Снег, соль. Хлопьями, хлопьями летит, // будто бабочки в третьей луне. // *Поет, поет* под ногами, будто *лягушки в шестой луне*» [Троцевич 2004: 216-217].

«Сезонные» звуки

В моделировании времени в пределах года участвуют *природные звуки*, часть из которых стабильны в своем наборе, и некоторые из них достаточно жестко «сезонны».

Каждое время года в корейской литературе имеет свое акустическое обрамление. Это некоторые *орнитологические* и *энтомологические, растительные звуковые образы*, а также *звуки стихий*.

Особое место в моделировании времени в пределах года занимают *орнитологические* и некоторые *энтомологические звуковые образы*.

Звуковыми знаками весны выступают *трели соловья*: «Были дни первой четверти четвертой луны. Ивовые заросли *звенели* от волшебных

трелей соловьев, на берегу реки пестрели яркие *цветы*, зеленела сочная трава...» («Сон...» 1982, 66); *пение иволги*: «Цветы у каждой хижинки цветут. // Над берегом пруда склонились ивы. // И слышу я, как *иволги поют*, // И вижу я, как бабочки танцуют» («Бамбук в снегу» 1978, 190); *крики сорок*: «... *magpies telling the news of spring...*» (Park Young-man 1999, 79); *кукование кукушки*: «Настало время *куковать кукушкам*. Лучшая пора в году!» («Верная Чхун Хян» 1960, 36).

Кукование кукушки в корейской литературе соотнесено и с летом. Считалось, что *кукушка кукует*, призывая лето:

«... жалобно *кричала кукушка*, призывая поскорей лето, и как бы в ответ ей ветер приносил откуда-то песню царства Бинь о седьмой луне, крестьяне пропалывали свои поля...» («Сон...» 1982, 589).

Песни куропаток служат приметам как весны, так и осени:

«Прослушайте к *пению* здешних *птиц!* На горе полно цветов, зеленеют листья, весна в самом разгаре, *куропатки* парами перелетают с ветки на ветку и *поют* друг для друга. Их *песни* так радостны, что даже ивы на берегу ручья пританцовывают и травы на лугу немеют от восхищения. *Пропоют* – и юноша-воин придержит своего скакуна, *пропоют* еще раз – и девушка, только что бездумно хохотавшая в зеленом тереме, задумается и предается мечтам. А когда кончится весна, пролетит лето, опадут листья и задует осенний ветер, то *пение куропаток* станет печальным. *Пропоют* они – и дрогнет душа смелого воина, *пропоют* еще раз – и одежду красавицы омочат слезы» («Сон...» 1982, 279).

Крики улетающих журавлей и *цапель* символизируют приход осени: «Увядают травы, опадают листья, жалобно *кричат* улетающие *журавли*» («Черепеховый суп» 1970, 199), «... небесный простор // заполняет осенний воздух... Желтые *цапли*, печально *крича*, скорбную песнь завели» («Хрестоматия...» 2004, 83).

Крик дикого гуся также служит акустическим знаком осени и зимы:

«Зачем ты, *дикий гусь*, *кричишь* так скорбно, // Когда луна и осень на дворе? // Холодный ветер, до небес взметнувшись, // На юг родной дорогу преградил? // *От крика* твоего я пробудился // И слышу, как летишь ты в вышине»; «*Гусь закричал* – я глянула в окно // И вижу: снег в лучах луны сверкает. // Она сияньем заполняет мир // И милому, наверно, где-то светит. // И только у меня, в душе моей, // Такая тьма, такая безысходность!» («Бамбук в снегу» 1978, 178; 200).

Некоторые энтомологические звуковые образы (*цикады*, *сверчок*) – приметы сразу двух времен года (лета и осени).

Стрекотание цикады связывается с летом:

«А тем временем наступила пора Начала лета <...> всюду *распева*ли свои бесконечные *песни цикады*, небо сияло бездонной синевой, и ночи стали темнее» (Би Сяошэн 1992, 31).

Пение цикад – граница между двумя сезонами:

«Вчерашняя ночь // Разделила нам осень и лето. // *Цикада* в траве // Непрерывно *звенеть продолжает*, // А ласточка к югу // Уже улетела с рассвета» (Ду Фу 2000, 114).

Стрекотание цикад является и традиционным поэтическим символом наступающей осени:

«*Плачет цикада* на высохшей ветке, // никнут желтые травы, *шуриша...*» («Классическая проза...» 1975, 282); «*Стрекот* осенних *цикад* похож // на *треск* воздушного змея» («Облачная обитель» 2000, 126).

Знаком наступающей осени может стать и *пение свечка*:

«*Звенит и стрекошет* // осенний *сверчок* у дверей» («Китайская пейзажная...» 1984, 45).

Среди «осенних» растительных звуковых образов – *шуришание трав и камышей, шелест бамбука*:

«Осень *шуришит* в камышах возле берега («Сон ...» 1982, 114); «... никнут желтые *травы, шуриша...*» («Классическая проза Дальнего Востока» 1975, 282); «*Бамбук шелестит* под осенним ветром, // Об осени напоминает» («Облачная обитель» 2000, 135).

«Сезонные» звуки стихий

Такие внесезонные образы, как *вода в озере, ветер, дождь* могут в художественной литературе обретать «сезонность»:

«*Осеннее озеро* – яшмовой зеленью // *тихо струится вода*» («Классическая поэзия...» 1977, 448).

Звуковой образ ветра выступает как знак сразу нескольких времен года:

– зимы: «*Ветер шумит* в камышах, // Стаи снежинок кружатся...» («Повесть о Сим Чхон» 1960, 219);

– весны: «*Восточный теплый ветерок повеял*, // Последние сугробы растопил» («Бамбук в снегу» 1978, 243); «... на подворье пришла весна, оживил меня *весенний ветер* в цветах сливы!» («Верная Чхун Хян» 1960, 129).

– осени: «*Звуки осени* слышались в *порывах ветра*, качающих деревья» (Ким Манчжун 2010, 160).

Звуковой образ дождя в корейской литературе также «сезонен»:

– весна: «Утром *замолчал весенний дождь*. // Я проснулся, встал и огляделся. // Почки приоткрытые цветов // Стали, соревнуясь, распускаться...» («Классическая поэзия...» 1977, 462);

– осень: «... шум дождя на горах Башань возвещает о приходе осени...» («Верная Чхунхян» 1990, 204).

Соотнесенность с временем года может осуществляться опосредованно через упоминание древнего праздника в Восточной Азии (Китай, Корея, Вьетнам) – Дня Холодной Пищи, который отмечается весной, в период с 4 по 6 апреля:

«В ночь накануне Дня Холодной Пищи // Дождь прошумел – и все кругом в цвету» («Бамбук в снегу» 1978, 119).

Моделирование времени в пределах суток

В моделировании времени в пределах суток в корейской литературе участвуют разнообразные звуки, среди которых значительное место занимают так называемые орнитологические звуки.

В корейской литературе птицы выступают как временной образ. Звуковой образ птиц проявляет связи с таким временем суток, как раннее утро: «Птиц голоса зашумели // И поведали о том, что день настает» (цит. по: [Никитина 1994: 221]); вечер, сумерки: «Ото сна глубокого в бедной хижине // Очнулся из-за птичьих голосов. На ветках, смоченных летним – “сливовым” дождем // Чуть [играет] заходящее солнце» (Там же, 220), а также ночь: «Ночь глубока, третья стража. Льет дождь, пронзительно кричат ночные птицы – будто голоса духов» («Верная Чхунхян» 1990, 88).

Петух, как звуковой образ, связан с рассветом:

«Желтый петушок зашевелится... // Гордо голову свою поднимет // И о том, что утро наступило, // Громким кукареку возвестит?» («Бамбук в снегу» 1978, 283); «Ян спросил о времени. Оказалось, что уже миновала пятая стража. Светильник погас, донеслось пение петуха» («Сон...» 1982, 125).

Иволга – один из неизменных «звуковых» знаков приближающегося утра. Ее пение будит человека ото сна. Однако М.И. Никитина считает пение иволги «вневременным» образом, связанным с картиной идеального состояния природы, которая благодаря своей идеальности соотносится с «вневременем» (см. [Никитина 1994: 208]).

Звуки утра могут быть достаточно многочисленны и разнообразны:

«Там щебечущая иволга // среди зелени и цветущих трав не может удерживать восторга. // Конечно, к звукам чистого ветра после дождя // Хорошо добавить звук разбивающейся яшмы, // Но почему же мой сон среди рек и озер // Прерывают [эти чистые звуки?]

Фазан тоже связывается с утром:

«Вот фазан, вот фазан, // Квохчет по утрам на гребне горы» [Троцевич 2004: 118].

Будит по утрам и курлыканье журавля:

«И разбудит меня, быть может, журавлиное курлыканье, доносящееся бог весть откуда» («Повесть о зайце» 1960, 301).

Образ этой священной для корейцев птицы также отождествлен с ночью:

«... журавль в лунном сиянии страстно зовет подругу» («Верная Чхун Хян» 1990, 38).

Пение жаворонка – утренний звуковой образ, который, по мнению М.И. Никитиной, является редким и ограниченным по времени, так как связан с фольклорной темой начала полевых работ (см. [Никитина 1994: 202]).

«В восточном окне посветлело? // Жаворонки распелись наперебой!» (Там же, 202).

Ласточки, их щебетание в корейской литературе может стать приметой наступления вечера:

«Меж тем на землю спустился вечер: потемнело небо, повеяло прохладой, защебетали ласточки...» («Черепеховый суп» 1970, 212).

Крики филина и гуся ассоциируются в корейской литературе с ночью:

«– Эй, филин, ухающий среди ночи, // Там, на вершине Шелковичный Червь! // Из многих тысяч жителей столицы // Кому вещает смерть твое “ух-ух”? – Повесам, изменяющим любимой!» («Бамбук в снегу» 1978, 230); «... гусь одинокий среди ночи кричит, // Заснуть не дает» (цит. по: [Никитина 1994: 199]).

Звуковой образ кукушки тоже соотнесен преимущественно с ночью:

«Убираю леску. // Посмотрим в окно лодки на луну! // Что, ночь уже настала? // Как чист кукушки голос!» (Там же, 210); «Неужели надо мною ночь? // Слышен явственно кукушкин голос» («Классическая поэзия...» 1977, 457).

Энтомологические звуковые образы ночи – это стрекотание цикад и сверчка:

«Плачет цикада, скорбя о луне // возле перил изогнутых...» («Чистый поток» 2001, 235); «Бессмысленно жалуетесь сверчок, // ночами печально стрекочет» («Облачная обитель» 2000, 142).

Звуки водных стихий могут выступать в качестве знаков времени в пределах суток.

Так, дождь отмечает переход от дня к ночи:

«Дождь прозвенел над чистой рекою – // Прекрасен на закате этот звук!» («Бамбук в снегу» 1978, 99).

Акустический образ ночи составляют звуки водопада: «В полночь я вдруг проснулся и услышал звук, напоминающий шум дождя. – Что это? Дождь? – спросил я. – Нет, – ответил монах, – это шумит водопад» («Черепашков суп» 1970, 135); шум ливня: «Слышал – ночью сильный ливень шумел. // Вышел – все цветы граната раскрылись. // Блистает завеса из капель хрустальных // На ветках над лотосовым прудом...» («Классическая поэзия...» 1977, 451); плеск ручья: «Сияние луны и плеск ручья // Ночной порой беседку наполняют» («Бамбук в снегу» 1978, 77) и мн. др.

Приметой ночи становится и шелест ветерка:

«Ветерок шелестит, // Над ночными ветвями струясь» (Ли Бо 2000, 93).

Ночью отшельник занимает себя игрой на музыкальном инструменте:

«Когда в окно его глядит луна, // слышны из дома звуки каягы-ма?» («Бамбук в снегу» 1978, 77).

В моделировании картины подлунного мира одновременно участвуют различные звуковые образы: шелест бамбука, шуршание листья, крики журавлей, плеск ручья, звуки музыкальных инструментов и др.:

«Зажигаю во мгле свечу. // Комуно беру и играю. // И струна комуно звучит // В лад печали моей глубокой. // Так в дождливую ночь бамбук // У реки шелестит одиноко. // Так кричит под луной журавль // У могилы тысячелетней. // Я играю – и жду, когда // Голос твой у дверей раздастся. // Но за пологом – никого, // И никто меня не услышит!.. // Но шуршит на ветру листва, // И кричат непрестанно птицы – // Как враги, ни ночью ни днем // Ни на миг не дадут забытья!» («Бамбук в снегу» 1978, 174).

Ночные звуки бывают разного происхождения, в том числе и мистического:

«От ветра хлопает бумага, которой оклеена дверь, и рыдают души тех, кто жестоко избитый, умер под палками, кто погиб от пыток, умер задущенный. Они рыдали в темнице, а их вой раздавался внутри, под карнизом крыши, даже под полом... Крики не давали заснуть, и Чхунхян сначала сидела ни жива ни мертва, по потом поборола страх, тогда стоны духов стали ей казаться то рожком гадалки, то песенками “Самчэби” или “Сеак”» («Верная Чхунхян» 1990, 88).

Образные сравнения

Для описания звучания некоторых корейских музыкальных инструментов в дальневосточной литературе используются образные сравнения, в состав которых входят растения, животные, «водные» образы и

т. д. Как показало исследование, самую немногочисленную группу составляют *растительные образы*:

«Красавица с готовностью взяла *лютню* в руки, тронула струны, и *полилась* грустная *мелодия*. Ян вздохнул. – Что за чудо! Напоминает *лепестки осыпающихся цветов...*» («Сон...» 1982, 115).

Для передачи *звучания* музыкальных инструментов, а также исполняемых *мелодий* в средневековой дальневосточной художественной литературе особой популярностью пользовались *орнитологические образы*. *Мелодии*, а также красота *звучания* различных музыкальных инструментов сравнивается с *пением фениксов*. В древней Корее полагали, что у *феникса* чудный голос. *Феникса* принято было изображать на всех музыкальных инструментах.

«А какова *мелодия*? Представляется, словно *Фениксы*, самец и самка, *поют* на рассвете *песню* любви, и чистые их *голоса* летят выше облаков, и тот, кто слышит эту *песню*, пробуждается от сна, и другие птицы кажутся ему безголосыми» («Сон...» 1982, 387); «*Флейты пели*, словно *фениксы*» («Корейские повести» 1954, 171).

Звон женских украшений также ассоциируется с *песнями фениксов*, а также *луаней*:

«... *звон их яшмовых украшений* напоминал *песни фениксов* и *луаней*» («Записки...» 1985, 150).

Крик гусей осенней ночью – один из излюбленных образов в литературе для описания *звучания* некоторых *музыкальных инструментов*:

«Какой чистой печалью *завучала мелодия!*.. словно *гуси закричали осенью!*» (Ким Манчжун 2010, 160).

Среди энтомологических звуковых образов частотностью употребления отличаются *цикады*:

«... *звонкая мелодия* напоминает *пение цикад*» (Сон Хён 1994, 71).

Звучание музыкальных инструментов передается с помощью «водных» образов:

«Нын Пха достала *пибу* и тронула струны – *звуки* были чисты, они словно печалились и тосковали; казалось будто *ручей журчит* в горной долине...»; «... *музыка журчала*, как вода в реке Цюйцзян...» (Ким Ман Чжун 1961, 324; 315); «Он вынул из-под кольчуги *флейту* и *заиграл* спокойную, величавую, как необъятная ширь, *мелодию* – и стан мигом затих. Казалось, *большая река катит весенние вздувшиеся воды...*» («Сон...» 1982, 191).

Со струями дождя, побежавшими по крапчатому бамбуку на реках Сяо Сян, ассоциируется *грустная мелодия*:

«А Хун опять тронула нефритовой рукой струны и повела другую *мелодию*, медленную и грустную, и показалось, *будто струи дождя*

побежали по крапчатому бамбуку на реках Сяо Сян...» («Сон...» 1982, 78).

В основе образного сравнения лежит предание о женах императора Шуня, жившего в третьем тысячелетии до н. э., которые оплакивали умершего мужа на берегу сливающихся рек Сяо и Сян. Их слезы, как гласит легенда, падая на бамбук, оставляли на нем пятна. Так легенда объясняет происхождение крапчатого бамбука, произрастающего в области Чу (см. об этом: «Верная Чхунхян» 1960, 646; 664).

Образ для сравнения – *ручьи трех сычуаньских ущелий* – географически конкретен. Самая большая в Китае и третья по протяженности река в мире Янцзы в районе восточной границы Сычуаньской котловины пробивает себе дорогу через горы, образуя уникальные по красоте ущелья – Цюйтан, У и Силян, которые объединены общим названием – «Три ущелья»:

«Нынпха вынула из коляски двадцатипятиструнную лютию и начала играть... *Будто ручьи заструились по трем сычуаньским ущельям...!*» (Ким Манчжун 2010, 160).

Нами отмечены случаи, когда *звучание* корейских музыкальных инструментов отождествляется:

– сразу с двумя «водными» образами: «Всего одной струны на *комунго* // Я палочкой бамбуковой коснулся – // И звук поплыл, как *вешняя вода*, // Что подо льдом *журчит* на перекате. // И стало слышно: вторя *комунго*, // По лотосовым листьям *дождь закапал*» («Бамбук в снегу» 1978, 93);

– с двумя различными образами из мира природы: «А Фея вновь тронула *струны*, но теперь она заставила вести *мелодию* – легкую и звонкую – средние *струны*, зажав большие: казалось, *капельки росы падают на поднос*, *осенний ветер поет в Улине*» («Сон...» 1982, 388);

– с несколькими образами из мира природы: «... Фея взяла свою *флейту*, поднесла ее к губам – и *от песни*, исполненной страсти, раскатилось *эхо* по долинам, *закачались деревья и травы*, *взлетели в небо спавшие на вершине горы журавли*. Второй раз дотронулась Фея *до флейты* губами – все вокруг потемнело, *грянул гром*, *содрогнулись долины и горы*. От третьего прикосновения взметнулся *ураган*, *взвился песок*, занавесив тусклой кисеей луну, и стало слышно, как *танцуют* в неизвестной дали *драконы*, как *ревет тигр* и *тигрица*. Ян перепугался не на шутку, служанки и мальчик приготовились бежать без оглядки. А Фея, изнемогая от напряжения, так что капельки пота выступили на ее челе, наконец отложила инструмент» (Там же, 118);

– с различными образами и не только из мира природы: «Фея *заиграла*: первая часть своей звонкостью подражала *ударам молота по металлу*, вторая своей свободой – *необъятному, вольному, безбрежно-*

му морю, а конец напева звучал, как гимн победы. Все, кто находился в зале, были потрясены» (Там же, 389).

Некоторые гиперболические выражения, которые служат для описания силы и интенсивности звучания музыкальных инструментов, были зарегистрированы нами в тексте переводов. При описании звучания инструмента упоминаются сразу несколько «гигантов» из мира природы (*небо, море, гора*) наравне с таким скромным инструментом, как *медный колокол*. Все имеет свою определенную ценность в буддийском мире:

«Грохот гонгов и барабанов, гром победных песен, казалось, могли обрушить горы и опрокинуть моря» («Записки...» 1985, 230); *«Она взяла медиатор и заиграла: страсть и скорбь звучали пронзительно, словно звенели осколки внезапно рухнувшей медной горы, словно стонал медный колокол. Казалось, будто разлилось бескрайнее море, а над ним раскрылось во всю ширь безоглядное небо»* («Сон...» 1982, 115-116).

Образы из мира природы помогают передавать «настроение» исполняемого музыкального произведения:

«Вдруг ветер донес до них мелодию, которую пела флейта, такую печальную, что под нее, казалось, вот-вот заплачут камни, обратятся вспять реки, рухнут горы...» (Там же, 190-191).

Выводы

Как показал анализ, природа, ее явления занимают одно из главных мест в формировании звуковой «картины» дальневосточных переводных произведений.

В статье *звуки природы* были распределены по тематическим подгруппам (*растительные звуки, звуки животного мира, звуки стихий*).

Природные звуки, многие из которых стабильны в своем наборе, а некоторые из них достаточно жестко «сезонны», участвуют в моделировании времени в пределах года, а также суток. Некоторые звуки имеют в корейских произведениях символическое значение (например, *крики дикого гуся в ночи, обезьян, плач кукушки* и др.).

Растения, животные (*крики гуся, журавля* и др.), «водные» образы (*море, река, ручей, озеро* и др.) отмечены в составе образных сравнений, использующихся авторами для передачи звучания некоторых корейских музыкальных инструментов, с некоторыми связаны легенды и предания (*Персиковый источник, происхождение крапчатого бамбука* и др.).

Звуки и шумы активно участвуют в создании национального колорита литературных произведений.

Литература

1. Бамбук в снегу. Корейская лирика VIII-XIX веков. М.: Наука. Гл. ред. восточ. лит-тер., 1978.

2. *Би Сяошен*. Цвет абрикоса. М.: СП «Вся Москва», 1992.
3. Верная Чхун Хян. Корейские повести XVII-XIX веков. М.: Худ. лит., 1990.
4. *Влахов С., Флорин С.* Непереваемое в переводе. М.: Высшая школа, 1986.
5. *Ду Фу*. Сто печалей. СПб.: «Кристалл», 2000.
6. Записки о добрых деяниях и благородных сердцах. Л.: Худлит. (Ленингр. отд.), 1985.
7. Золотая птица Гаруда. Рассказы современных корейских писателей. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1994.
8. История о верности Чхун Хян. Средневековые корейские повести. М.: Изд-во восточ. литер., 1960.
9. История цветов. Корейская классическая проза. Перевод с ханмуна. Л.: Худ. лит. (Ленингр. отд.), 1999.
10. *Ким Ман Чжун*. Облачный сон девяти. Роман. М.-Л.: ГИХЛ, 1961.
11. *Ким Манчжун*. Сон в заоблачных высях. СПб.: Гиперион, 2010.
12. Китайская пейзажная лирика III-XIV вв. М.: Изд-во Москов. ун-та, 1984.
13. Классическая поэзия Индии, Китая, Кореи, Вьетнама, Японии. М.: Худ. лит., 1977.
14. Классическая проза Дальнего Востока. М.: Худ. лит., 1975.
15. Корейские повести. М.: ГИХЛ, 1954.
16. Корейские предания и легенды из средневековых книг. М.: Худ. лит., 1980.
17. *Кравцова М.Е.* Мировая художественная культура. История искусства Китая. СПб.: Изд-ва «Лань», «ТРИАДА», 2004.
18. *Латин В.В.* Петербург. Запахи и звуки. СПб.: «ЛапинЪ», 2009.
19. *Левый И.* Искусство перевода. Пер. с чешского. М.: Прогресс, 1974.
20. *Ли Бо*. Нефритовые скалы. СПб.: «Кристалл», 2000.
21. Лисий перевал. Сб. корейск. рассказов XV-XIX вв. СПб.: Гиперион, 2008.
22. *Никитина М.И.* Корейская поэзия XVI-XIX вв. в жанре сиджо (Семантическая структура жанра. Образ. Пространство. Время.). СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 1994.
23. Облачная обитель. Поэзия эпохи Сун (V-XIII вв.). СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2000.
24. *Паукер Е.О.* Корея. Бесплатное приложение к журналу «Живописное обозрение». СПб.: АО «Слово», 1904.
25. Повесть о Сим Чхон // История о верности Чхун Хян. Средневековые корейские повести. М.: Изд-во восточ. литер., 1960. С. 179-244.
26. Повесть о том, что приключилось с зайцем // История о верности Чхун Хян. Средневековые корейские повести. М.: Изд-во восточ. литер., 1960. С. 288-322.
27. Повесть о Чёк Сёные (Чёк Сёный Чён). СПб.: ПФИВ РАН, 1996.
28. Предания гор Кымган. Пхеньян: Изд-во литер на иностр. яз., 1990.
29. Роза и Альый Лотос. Корейские повести (XVII-XIX вв.). М.: Худ. лит., 1974.
30. Светлый источник. Средневековая поэзия Китая, Кореи, Вьетнама. М.: Изд-во «Правда», 1989.
31. Сказание о госпоже Пак // История о верности Чхун Хян. История о верности Чхун Хян. Средневековые корейские повести. М.: Изд-во восточ. литер., 1960. С. 491-547.
32. Скитания госпожи Са по югу // История о верности Чхун Хян. Средневековые корейские повести. М.: Изд-во восточ. литер., 1960. С. 323-407.
33. Сон в нефритовом павильоне. Роман. М.: Худ. лит., 1982.
34. *Тресиддер Джек*. Словарь символов. М.: Изд-во торг. дома «Гранд» и др., 2001.
35. *Троцевич А.Ф.* История корейской традиционной литературы. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 2004.
36. *Троцевич А.Ф.* Корейская средневековая повесть. М.: Наука. Гл. ред. восточ. литер., 1975.
37. *Федоренко Н.Т.* Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. Т. XIX. Вып. 6. М., 1960. С. 492-509.

38. Феи Алмазных гор. Корейские народные сказки. М.:Худож. литер., 1991.
39. Хрестоматия по литературе Китая. СПб.: Изд-во «Азбука-классика», 2004.
40. Черепаховый суп. Корейские рассказы XV–XVII вв. Л.: Худ. лит., 1970.
41. *Чонг Хён Жонг*. Так мало времени для любви. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр «Блиц», 2000.
42. *Чхе (Цой) Ин Хун*. Площадь. М.: «Готика», 2002.
43. *Park Young-man*. The Scent of Flowers. Seoul: Hankang publishing Company, 1999.

Интернет-сайты:

<http://www.philology.ru/literature4/fedorenko-60.htm>

ЛИНГВИСТИКА

Индивидуальный «образ мира» как объект психолингвистического анализа

© доктор филологических наук И.А. Бубнова, 2012
(МГПУ)

В одной из своих работ Л.С. Выготский замечал: «Слово история (историческая психология) у меня означает две вещи: 1) общий диалектический подход к вещам – в этом смысле каждая вещь имеет свою историю... < >; 2) **история в собственном смысле**, т. е. история человека. Первая история = диалектический, вторая – исторический материализм. Высшие функции в отличие от низших подчинены историческим закономерностям в своем развитии (ср. характер у греков и у нас). Все своеобразие психики человека в том, что в ней **соединены** (синтез) одна и другая истории (эволюция + история)¹ (выделено мною. – И.Б.).

Объединение этих «историй» происходит в ходе познания – активного исследовательского поведения человека, основанного на двух главных механизмах: выдвижении и отборе догадок об окружающей реальности и критическом устранении ошибочных гипотез². Результатом процесса познания является формирование в сознании человека собственной субъективной, эмоционально окрашенной и пристрастной модели или «образа мира»³, сквозь призму которой он воспринимает и оценивает все, что происходит вокруг.

Содержание индивидуального «образа мира», где за каждым словом и каждой вещью стоят смыслы, обусловленные личной историей становления человека, где история поколения, культура и отдельные события его собственной жизни неразделимы, определяет все его поведение и деятельность. Но еще более важным, как представляется, является тот факт, что именно содержание «образа мира» человека отражает его способность понимать и объяснять происходящее, и, следовательно, действовать адекватно той или иной ситуации на основе собственного осознанного выбора. Эти вопросы – вопросы о связности и закономер-

¹ *Выготский Л.С.* Конкретная психология человека // Л.С. Выготский. Психология развития человека. М.: Смысл, Эксмо, 2004. С. 1020.

² *Поппер К.* Знание и психофизическая проблема: В защиту взаимодействия. М.: ЛКИ, 2008. – 256 с.

³ *Леонтьев А.Н.* Избранные психологические произведения: В 2 т. Т.2. М.: Педагогика, 1983.

ностях человеческого поведения и, что не менее важно, вопрос о возможности предсказания поведения человека на основе выявленных закономерностей – одна из ключевых проблем для поведенческих наук. Вероятно, этим и объясняется постоянно растущий интерес ученых, работающих в самых разных сферах гуманитарного знания, к исследованию различных аспектов «образа мира».

Как представляется, для психолингвистики как науки, изначально сфокусированной на личности, «бесконечно меняющемся человеке в бесконечно меняющемся мире»⁴, обращение к данной проблеме является органичным продолжением исследований речевой деятельности, национально-культурной специфики языковой картины мира, особенностей языкового сознания того или иного этноса, т. е. человека говорящего и его живого языка. Более того, в психолингвистических исследованиях «образа мира» особую значимость приобретает вопрос о движущих силах развития данного феномена сознания, т.е. они полностью сосредотачиваются именно на когнитивных структурах индивида и влиянии на них внешних факторов.

Не вызывает сомнений, что главным объектом в исследованиях такого рода должно быть слово – тот «строительный материал», который использует каждый человек для понимания мира и ориентации в нем. Однако здесь интерес представляет не просто значение слова, закрепленное в языке, или «усредненное» смысловое содержание слова как единицы языкового сознания того или иного лингвокультурного сообщества. Субъективный «образ мира» может раскрыться только через значение как принадлежность индивидуального сознания, через его смысловое содержание, обусловленное тем деятельным контекстом, на фоне и в ходе активного взаимодействия с которым, в процессе переплетения «натурального» и «культурного» рядов развития человека, постепенно формируется личность⁵. В свою очередь, что необходимо особо подчеркнуть, этот уникальный в определенной степени деятельностный контекст каждого человека, опосредованный рядом факторов, не только культурных (на чем сейчас сосредоточено внимание многих

⁴ Леонтьев А.А. ЕССЕ НОМО («Вершинная» психология и перспективы исследования деятельности) // Деятельностный подход в психологии: проблемы и перспективы / Под ред. В.В. Давыдова и др. М., 1990. С. 5-14.

⁵ См. об этом: *Выготский Л.С.* История развития высших психических функций // Собр. соч.: В 6-ти т. Т. 3 / Отв. ред. А.В. Запорожец. М.: Педагогика, 1983. – 367 с. С. 5-328; *Ананьев Б.Г.* О проблемах современного человекознания. / АН СССР, Ин-т психологии. М.: Наука, 1977. – 380 с., *Рубинштейн С.Л.* Избранные философско-психологические труды: Основы онтологии, логики и психологии / РАН, Ин-т психологии. М.: Наука, 1997. – 62 с. (Памятники психологической мысли)

исследователей), но и сугубо индивидуальных, специфика которых частично обусловлена условиями социализации, а частично зависит от чисто психологических особенностей индивида, определяет уникальность личностных смыслов слов и строения индивидуального лексикона в целом.

Различия в субъективном значении слова закладываются с момента рождения человека.

Безусловно, система сенсорных эталонов – ряда качеств, выделенных человечеством из всех доступных сторон восприятия действительности – универсальна. Однако даже на этапе формирования протозначений, системы которых интенсивно развиваются в младенческом возрасте, следы переживаний от первых контактов младенца с окружающей его реальностью могут различаться.

Значение любого явления, пока симпраксическое⁶, т. е. еще не обозначенное словом, не просто выстраивается в ходе активной деятельности, оно определяется условиями, в которых происходит встреча с ним. Вряд ли возможно отрицать тот факт, что формирование самых первых понятий, таких как «мама», «семья» или «еда» могут проходить в различных эмоциональных ситуациях: поддержки, отторжения или абсолютной эмоциональной холодности по отношению к ребенку. Не менее важным оказывается окружение и в несколько более поздний период развития, когда начинают формироваться операциональные значения. И здесь взаимодействие с окружающими играет решающую роль. В процессе такого субъективного опыта в памяти человека возникает и закрепляется целый комплекс ассоциаций, обозначаемый в психологии как семантическое наполнение значения, который и становится его семантическим полем. Иначе говоря, в основе смыслового наполнения любого слова лежит эмоциональный опыт ребенка, полученный им в общении со взрослым, и его предметная деятельность.

Одновременно с формированием значений ребенок знакомится и с этнически обусловленными системами эмоциональных эталонов – нормативных способов выражения отношения к разным явлениям и событиям, выражения понимания состояний другого человека, а также системами сценарных эталонов – нормативных образцов поведения в типичных жизненных ситуациях. Ближайшее окружение, семья и принятый в ней стиль общения и в этом случае играют решающую роль. Более того, с одной стороны, роль семьи в усвоении эталонных норм эмо-

⁶Лурия А.Р. Язык и сознание / Под ред. Е.Д. омской. 2-е изд. М.: Изд-во МГУ, 1998. – 336 с.

ционального поведения в современной ситуации в нашей стране постоянно растет. С другой стороны, психологические исследования показывают, что в современном российском обществе все чаще наблюдаются отклонения в стилях родительского воспитания, в результате чего дети не усваивают культурно обусловленных моделей поведения, соответственно и слова, маркирующие такие модели, остаются для них семантически пустыми.

Из сказанного выше очевидно, что соотношение негативных и позитивных признаков в первых смыслах, усвоенных ребенком, а, следовательно, и в его еще очень маленьком, не выходящем за пределы ограниченного количества ситуаций и не вербализованном «образе мира», во многом от его ближайшего окружения.

Однако ребенок не просто активный деятель в этом мире, он – индивид, для которого характерны какие-то свои психические и когнитивные особенности, в силу которых его субъективный мир, постепенно замещающий реальность в его сознании, изначально не адекватен внешнему миру. И только язык, хранящиеся в нем культурные смыслы, как и «Ближайшее, или формальное, значение слов, вместе с представлением, делает возможным то, что говорящий и слушающий понимают друг друга»⁷.

Таким образом, последовательность формирования различных типов значения – от протозначений до их категориальных форм – позволяет утверждать, что в субъективном значении каждого слова, отражающего какой-то фрагмент мира в индивидуальном сознании человека, представлены чувство, действие и ум, и каждый из этих компонентов играет свою роль.

Благодаря эмоциональным переживаниям, чувственным образам, мир, отраженный в сознании личности, тем не менее, не теряет своей объективности, реальности и сохраняет свою яркость. В значении любого слова уже у взрослого человека обнаруживаются чувственные образы самых разных модальностей, что совершенно отчетливо проявляется в АЭ, когда даже на абстрактные слова ии. могут дать реакции типа: *любовь – тепло, дружба – свет, предательство – черный*. И тем более закономерно, что эти образы проявляются в реакциях на конкретную лексику: *море – шумит, стол – круглый, письменный* и т.д. Именно благодаря чувственным ощущениям и личному опыту, стоящими за словами родного языка, в памяти оживают картины, которые понятны только говорящему. Чувственный опыт, обязательно присутствующий в

⁷ Потебня А.А. *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике. ГУПИ Министерства просвещения РСФСР, М., 1958. Т. 1-2. - С. 19.

субъективном значении, является основой довербального понимания, неким телесным априори, на которой становится возможной настройка языковая⁸.

Благодаря действию в индивидуальные чувственные образы сознания постоянно добавляются знания, как культурные и социальные, так и личностные, полученные в ходе своей собственной практической деятельности или анализа деятельности других. В повседневной жизни взрослый человек задумывается об этом только тогда, когда сталкивается с чем-то новым, пытаясь в этом случае понять именно функцию предмета, то, как с ним нужно обращаться, и для чего он предназначен. Но как только функция ясна, он перестает обращать внимания на признаки, не релевантные для ее выполнения. И здесь важно отметить, что предметность значения, как и его культурная составляющая, оставаясь скрытой, тем не менее, сохраняется в субъективном значении на протяжении всей жизни человека, а отсутствие знаний о функции и культурном содержании отрицательно сказывается на коммуникации.

Индивидуальные качества, свойства мышления и интеллекта играют не меньшую роль в формировании значения. Благодаря уму все полученные знания, как культурные, так и приобретаемые человеком в ходе своей личной жизнедеятельности, выстраиваются в некую структуру, вступают в новые связи и отношения в общей системе мировидения человека.

В результате весь окружающий человека предметный мир выступает в значениях, через значения слов. Иначе говоря, для представления мира человеком значения оказываются самым важным фактором, даже более важным, чем пространство и время, потому что за каждым значением в сознании личности стоит система познанных им лично объективных связей.

Однако насколько объективны результаты такого познания и, следовательно, насколько объективен «образ мира» отдельного человека?

На первый взгляд, мера общности между «мирами» разных индивидов совершенно незначительна благодаря тому, что в субъективных значениях слов кодируются, прежде всего, результаты:

1) того, что было положительно или отрицательно «окрашено» при восприятии.

В целом ряде психологических исследований подтверждено, что эмоциональная окраска воспринимаемого предмета или явления оказывает существенное влияние на познавательные процессы. Прежде всего,

⁸ Apel K.-D. Transformation der Philosophie. Frankfurt-am-Main, 1976. – S.40-75

было доказано, что человек склонен воспринимать ту информацию, которая соответствует его внутреннему состоянию (эмоциональный эффект Струпа);

2) собственной оценки предмета или явления реальности.

Особенно ярко это качество проявляется в оценке своих достоинств и недостатков, причем исследования, проведенные в самых разных странах, демонстрируют одинаковую картину. В целом оказывается, что воспринимая какой-то феномен, человек склонен ориентироваться на некие общие знания, при этом его оценка, а, значит, информация, включаемая в субъективное значение, далека от реальности. Более того, если предмет лично значим, то его восприятие в сознании искажено. Так, уже классическими являются результаты психологических экспериментов, в которых было показано, что в сознании людей из малоимущих семей доллары всегда больше своей реальной величины, человек, которого боятся, кажется более крупным и т. д.;

3) субъективные переживания человека по поводу каких-то событий, когда значимое для него лично кажется важным и для других;

4) субъективное истолкование сенсорных данных (мне больше) и т. д.

Благодаря пристрастному отношению к той информации, которая становится частью субъективных значений, в индивидуальном образе мира субъективными становятся само жизненное пространство и время, в котором действует личность. Какие-то события, далеко отстоящие в реальности друг от друга, «соприкасаются» по значению и начинают связываться в индивидуальном сознании. В результате субъективный образ мира, определяемый личной историей, выступает как система, включающая в себя прошлое, настоящее и будущее человека, представленное в субъективных значениях слов, в которых заключены события его собственной жизни и их взаимосвязи, и, таким образом, он становится основным регулятором индивидуальной жизни.

Однако, несмотря на своеобразие «образа мира» отдельно взятого человека, существует, по крайней мере, два фактора, которые могут служить основанием, связывающим либо, напротив, разделяющим эти миры.

Первый фактор – это ядерная культурная составляющая «образа мира», на глубинном, бессознательном уровне заставляющая личность ориентироваться на некую модель человека и его поведения в мире. В принципе эти модели сводимы к двум базовым: «я – член общества, какого-то коллектива, перед которым несу ответственность за свое поведение» / «я – независимая личность, отвечающая за свои действия

только перед самим собой». Очевидно, что складывались эти модели в процессе культурно-исторического развития, обязаны своим существованием объективным обстоятельствам. Но важно подчеркнуть, что существуют они только благодаря поддержке социума. Если говорить более точно, то их существование обеспечивается поддержкой различных социальных институтов: семьи, образовательных учреждений, общественных объединений, СМК и т. д., через которые они, собственно, и транслируются.

Если говорить о русском этническом «образе мира», то в основе своей его культурные доминанты с высокой ценностью семьи, друзей, умения жить в коллективе, умения терпеть трудности ради будущего и высших целей противоположны западным. Скорее, они сближаются с культурными доминантами восточных цивилизаций, в частности - китайского образа мира, который сейчас в силу многих обстоятельств привлекает все больше внимания исследователей.

Какие же черты доминируют в китайском образе мира?

Главное, что называют сами китайцы – это семья, друзья и терпение.

Интересно то, что даже в языке, в самих иероглифах отражены образно те ценности, которые выделяются носителями китайской культуры.

Так, китайский иероглиф *семья* – те, кто живет под одной крышей, является одним из двух компонентов иероглифа *страна* (второй компонент – это *государство*) т. е. *страна* – это *наша большая семья*, проживающая в одном государстве. Непосредственно связаны с государством и такие иероглифы как *Родина*, *родной край* и *Отечество*, составные части которых могут быть интерпретированы как *наше родное государство*, во втором значении – *наш родной сад, который нужно защищать*.

Значит, *семья* jia (家) в китайской культуре – это и *страна* и *государство*. *Семья* – это и *дом*, и *супруги*, и *род*, и те *люди, которые объединены какими-то общими интересами* (академические школы ученых и т.д.). Интересно то, что такое понимание семьи существует не только в языке, оно до сих пор определяет в значительной степени и отношения между людьми, которые работают или учатся вместе. Закладываясь, как представляется, еще в раннем детстве, она продолжает поддерживаться социальными институтами на протяжении всей жизни людей.

Сам иероглиф *семья* включает в себя два компонента, один из которых – 宀, означает *дом*, а второй 豕 – *свинью*. Таким образом, пикто-

графическое значение иероглифа – это *свинья в доме*, и такой знак семьи имеет глубокие культурные корни. В древнем Китае свинья считалась членом семьи, причем тем ее членом, который жертвует собой ради благополучия и ради самого существования всех остальных. Как говорят сами китайцы, до сих пор наличие данного компонента в иероглифе является своеобразным напоминанием детям о необходимости выполнения своего долга по отношению к родителям. И это отношение не просто декларируется. Все важнейшие праздники китайцы стараются отметить именно в семье, поэтому, например, накануне Нового года вся страна приходит в движение, дети едут домой, чтобы встретить новый год со своими родными. Есть и специальный праздник – середина осени, в основе которого лежит очень красивая древняя легенда о семье, любви и верности. В этот день, даже если человек не может быть вместе со своей семьей, он все равно мысленно рядом со своими родными и близкими.

Эта ответственность перед семьей, забота о ней, желание младших оправдать надежды родителей, возлагаемые на них, и, наоборот, стремление родителей сделать все, чтобы их дети достигли чего-то в жизни, в значительной мере определяет видение мира и мотивирует поведение китайцев и их отношения с близкими людьми.

Иероглиф *семья* входит во множество фразеологических оборотов в китайском языке. С одной стороны, это подчеркивает важность семейных уз, отношений в семье для любого представителя китайского этноса, например *家和万事兴* – *семейная гармония*, *家书抵万金* – *письмо из семьи (из дома) ценнее золота*. С другой стороны, в этих оборотах семья часто ассоциируется с государством, управлять которым нужно так же, как и своей семьей: *治天下之国若治一家*. Более того, в языке можно найти фразеологизмы, включающие иероглиф *семья* и связанные с историческим прошлым народа. Одним из таких фразеологизмов является *三过家门而不入* – *император Ю в династии Хя три раза прошёл мимо своего дома, но не вошёл в него*, который употребляется для характеристики человека, полностью отдающего выполнению своих обязанностей и ставящего выполнение общественного долга выше личных интересов.

Еще одно понятие, называемое самим китайцами в числе основополагающих для их «образа мира» - это понятие *дружбы* и *друга*. Причем смысловое содержание данных феноменов в языковом сознании этноса постоянно развивается, меняется, что, в свою очередь, находит свое отражение в языке. Примечательно, что обозначения друзей отно-

сятся к различным периодам развития страны, однако все они сохранились до сегодняшнего дня.

Еще с древних времен в Китае известны два словосочетания, обозначающих друга. Прежде всего, это 诗文之交 (shī wén zhī jiāo), друг по стихам, т.е. человек, дружеские отношения с которым завязались благодаря знакомству с его статьями либо поэтическими произведениями. Второе обозначение друга – 笔友 (bǐ yǒu), друг по перу, указывало на человека, общение с которым велось по переписке, хотя люди могли и никогда не встречаться друг с другом.

Современные друзья – это часто 网友 (wǎng yǒu), т.е. друзья по интернету, либо 驴友 (lǘ yǒu) – друзья по путешествиям. Последнее, очень модное и широко распространенное в сети выражение, может переводиться и как ослиные друзья, т.е. в китайском языке путешествие (旅游 lǚ yóu) и ослиный друг (lǘ yǒu) являются омонимами.

Как в русской, так и в китайской культурах, друг – это человек, для которого не щадят своей жизни (士为知己者死), это тот, обрести кого труднее, чем найти миллион золотом (万两黄金容易得, 知心一个也难求), это человек, с которым связывают самые искренние отношения (задушевные друзья знают печень и желчь друг друга) 知己肝胆相照) и т.д. Дружба проверяется в беде 患难之交 (huān nán zhī jiāo), она беззаветна 刎颈之交 (wǎn jǐng zhī jiāo), бескорытна и не зависит от материального положения 杵臼交 (chǔ jiù jiāo) и складывается в ранней молодости, еще тогда, когда люди были неизвестными и испытывали нужду 布衣之交 (bù yī zhī jiāo).

Множество поговорок и фразеологизмов в китайском языке посвящено дружбе, причем в ряде из них дружба тесно коррелирует с другой важнейшей ценностью китайской культуры – семьей: Дома держаться за спиной родителей, а за порогом – за спиной друзей (在家靠父母, 出门靠朋友).

Еще одна особенность китайского образа мира – стремление к гармонии с окружающим миром, тесно связанное с правилом «золотой середины», отражается в важнейшем для китайцев концепте терпение, которое подавляющее большинство жителей страны относят к главным концептам китайской культуры.

Китайский иероглиф, который может интерпретироваться как *терпение, сдержанность, терпеливость* состоит из двух частей: 刃 (нож) и 心 (сердце). Когда нож вонзается в сердце, которое при этом остаётся непоколебимым, это и есть *терпение*. Иначе говоря, иероглиф образно отражает способность сдерживать себя и не позволить своему гневу и негодованию возобладать над своим разумом, несмотря ни на какие жизненные обстоятельства.

Терпение – это, прежде всего, умение сдерживать свои чувства, которое очень высоко ценилась в древнем Китае и продолжает цениться современными людьми, в том числе, молодыми.

По данным наших опросов, в языковом сознании китайских аспирантов и студентов *терпение* представляет собой сложный концепт, который включает в себя несколько аспектов.

Во-первых, терпение – это основа успехов. На пути каждого человека, идущего к своей цели, встречаются препятствия, преодоление которых связано со значительными трудностями. И достичь успеха может только тот, кто продолжает свое дело, невзирая ни на какие оскорбления и унижения. Как гласит китайская мудрость: 大丈夫能屈能伸 («Настоящий мужчина это тот, кто может быть и униженным и смелым в зависимости от ситуации»). Другими словами, залог успеха – это умение держать под контролем свои чувства и страсти, способность победить, прежде всего, самого себя.

Во-вторых, терпение – это мужество, храбрость и твердая воля.

В-третьих, терпение – это благородство, то качество, которое присуще высокообразованным, воспитанным людям, следовательно, и широко мыслящим людям. Данный аспект концепта терпения отражен в фразеологизме 海纳百川，有容乃大, означающем «Море всегда снисходительно, оно щедро принимает в себя все те реки и потоки, которые бегут к нему, и именно поэтому оно постепенно становится все шире и шире».

Четвертый компонент концепта терпение связан с внутренней гармонией. Корни этого значения лежат в философии дао, буддизме и гунфу. Важнейшей составляющей здесь являются: а) понятие единства, пришедшее из даосизма, в рамках которого считается, что не существует различий между всем, что составляет природу, а человек является ее частью (道生一，一生二，二生三，三生万物); б) понятие равенства всех людей от рождения, которое существует в буддизме. *Гармония в*

данном случае достигается терпением в отношении себя и окружающего мира. Именно терпение позволяет человеку находиться в равновесии, не позволяя эмоциям, которых, по мнению китайцев, у человека слишком много, подчинять себе его поведение и разрушать его здоровье.

Следующий компонент концепта *терпение* связан с важнейшими качествами личности. *Терпение в благополучии означает скромность, а терпение в неудаче – твердость и настойчивость в достижении поставленных целей.* Важность данных качеств отражается в следующей известной китайской пословице: «Армию, которая уже зазналась, легко победить» (骄兵必败).

Таким образом, *терпение* – это, прежде всего, уважение к миру, но и твердое следование своей цели.

Если посмотреть на смысловое наполнение концепта *терпение* внимательно, то, вероятно, оно позволяет объяснить многие черты поведения китайцев, которые часто интерпретируются как закрытость, хитрость, высокомерие и т. д. Скорее, в основе их поведения лежат именно культурные доминанты, обеспечивающие связь прошлого народа и с его будущим. Следование им позволяет носителям культуры сохранять жизнестойкость в любой ситуации и, несмотря ни на какие внешние обстоятельства, не терять чувства собственного достоинства.

Анализ других концептов китайской культуры показывает, что несмотря на достаточно значительный период социальных перемен, этническое своеобразие продолжает проявляться в индивидуальном образе мира молодых китайцев. Сохранение такого своеобразия обеспечивается глубокими знаниями своей истории и культуры, а такие знания, как и модели поведения, транслируются и поддерживаются социумом, прежде всего, различными социальными институтами.

Не умаляя роли культуры и социума в формировании «образа мира» следует помнить, что эти факторы могут сформировать лишь самую общую рамку, задать определенный ракурс восприятия действительности и, соответственно, определить общие тенденции формирования субъективных значений. Однако структура всей информации, входящей в смысловое содержание слова, как и сам ее отбор, зависят непосредственно от психологических особенностей личности, главным образом от типа мышления, определяемого ее интеллектом.

В настоящее время существует множество определений интеллекта и не меньшее количество теорий посвящено данному феномену психики человека. Однако значительное число как отечественных, так и зарубежных исследователей полагает, что интеллект представляет

собой определенную структуру, а интеллектуальные способности в целом имеют отношение к метакогнитивной регуляции интеллектуальной деятельности, которая отражается в двух основных аспектах. Во-первых, это проявляется в своеобразии ментальных репрезентаций всей информации, стоящей за словом, т.е. в том, как организован ментальный образ ситуации, события у разных людей. Во-вторых, интеллект отвечает за контроль психической активности, за то, как осуществляется «от-тормаживание» аффективных состояний в процессе интеллектуального отражения. Именно эти свойства интеллекта определяют когнитивный стиль личности и, через него, содержание субъективного значения и субъективного образа мира.

Иначе говоря, интеллект – это особая форма организации индивидуального ментального опыта при помощи наличных ментальных структур, обеспечивающих восприятие, хранение, упорядочивание информации, контролирующих и корректирующих интеллектуальную деятельность и формирующих субъективные критерии выбора источника информации и форм ее переработки⁹.

Само определение интеллекта, вероятно, кажется слишком сложным. Но свойства интеллекта в субъективном значении отражаются очень ярко.

Какие компоненты, допустим, являются ядерными в слове *я* в сознании людей с разным уровнем психометрического интеллекта, и соответственно, разным типом мышления: конкретным и абстрактным в той или иной степени, т.е. на уровне предпонятий и понятий?¹⁰

У людей с конкретно-действенным мышлением *я – это лапочка, умница, красавица, голодная, сижу* и т. д. Это репрезентация слова *я*? Безусловно. Однако эта репрезентация является результатом не мышления, а восприятия, причем восприятия каких-то признаков, не выходящих за пределы каких-то конкретных ситуаций. Точно также определяет себя маленький ребенок и высшие животные, которых обучили человеческому языку глухонемых. В классических экспериментах Вольфганга Келера, проведенных им над шимпанзе еще в начале XX века, такой интеллект обозначается как «ручной», что соответствует определению Пиаже – сенсомоторный.

У таких людей *власть – это деньги, деньги – это доллары и много, любовь – это цветы и подарки, дом – большой и с камином, человек –*

⁹ Холодная М.А. Психология интеллекта. Парадоксы исследования. – 2-е изд., перераб. и доп. – СПб.: Питер, 2002. – 272 с.

¹⁰ Бубнова И.А. Структура субъективного значения слова (психолингвистический аспект). – Дис. ...д-ра филол. наук. – М., 2008.

ест и пьет и т. д. Мир их дихотомичен, в нем нет полутонов, точкой отсчета является собственное *я*.

Мышление в конкретных понятиях (средний уровень ПИ) дает такую картину: *я – дочь, мать, студент* и т.д. Здесь уже есть дифференциация, выделяются социальные роли, функции, однако *я* еще остается автономным, не включается во всеобщие категории.

При развитии понятийном мышлении происходит радикальная перестройка, т.е. интеллектуализация всех элементарных познавательных функций. Они синтезируются с функцией образования понятий: восприятие становится частью наглядного мышления, запоминание становится осмысленным логическим процессом, внимание – произвольным. Соответственно, место ядерных компонентов в субъективном значении занимают обобщенные по содержанию понятия, включенные в связи с другими понятиями.

Соответственно, *я* становится частью мира/природы, власть – управлением и ответственностью, деньги – одним из объективных атрибутов жизни, любовь – чувством и т. д.

Безусловно, это совершенно разные миры. Причем неверно было бы оценивать тот или другой в категориях хорошо-плохо. Просто это – качественно отличающееся представление реальности, стоящее за каждым субъективным значением слова в сознании индивида, которое определяет его поведение в социуме. Содержание этих субъективных значений отражает не просто тип мышления, но и единство интеллекта и характерологических свойств личности: структуры мотивов, потребностей, установок и других личностных качеств, в итоге определяющих способы переработки поступающей извне информации, которая включается (либо не включается) в субъективное значение слова.

Представляется, что исследование субъективного значения слова с позиций интеллекта личности, в ходе которого будет учитываться совокупное влияние как внешних, так и внутренних факторов, детерминирующих его свойства, позволит не только получить новые данные об индивидуальном «образе мира», но и построить типологии данных «миров».

Модель механизма кодирования/декодирования коммуникативных намерений в речевом сигнале диктора

© доктор филологических наук *К.И. Долотин*, 2012
(МГУ имени М.В. Ломоносова)

Фундаментальным методом добывания информации об объекте является метод структурного анализа и структурного моделирования объекта. Перспективным в плане получения статистически значимых данных при изучении интонации эмоционально окрашенной речи может быть анализ имплицитных структур речевого сигнала, выделенных по алгоритмам, в которых в «математической форме эксплицируются» некоторые особенности механизмов производства речи, обусловленные ее экстралингвистическими факторами. В связи с этим актуальным является разработка методов диагностики экстралингвистических факторов речи и количественной оценки влияния их на механизмы ее порождения в рамках естественного коммуникативного процесса.

В обсуждаемом ниже эксперименте имплицитные структуры речевого сигнала эксплицировались посредством временных рядов относительных величин экспериментально подобранных алгоритмов отношений для параметров формантной структуры речевого сигнала (частот первых трех формант и их ширины, измеряемых в герцах). Алгоритмы этих отношений подбирались с тем расчетом, чтобы в первом приближении количественно оценивать текущие значения величин инвариантных спектральных признаков сегментов речи (например, квазидифференциальных признаков фонем: низкий/высокий, напряженный / ненапряженный, дизный/простой, фарингализованный / нефарингализованный) [Якобсон, Фант, Хале 1955; Златоустова, Потапова, Потапов, Трунин-Донской 1997]. Дискретные значения этих признаков на временной оси речевого сигнала образуют соответствующие временные ряды, отражающие в количественной форме динамику квазидифференциальных признаков фонем на временной оси речевого сигнала. Эти ряды отражают первый уровень обобщения формантной структуры речевого сигнала в механизме речеобразования. Второй уровень обобщения в механизме речеобразования эксплицируется посредством экспериментально выбранного алгоритма вычисления интервальной множественной кросскорреляционной функции для временных рядов первого уровня обобщения формантной структуры речевого сигнала. Этот алгоритм

подбирался экспериментально с тем расчетом, чтобы в первом приближении количественно оценивать влияние экстралингвистических факторов на состояние механизма речеобразования: например, на динамику взаимодействия между совместно работающими нейронными системами, управляющими параметрами речевого тракта. Например, экспериментально установлено, что среднестатистические величины промежутков времени $\{t_2\}$, в течение которых нарушено такое взаимодействие, статистически значимо различаются для речевых сигналов, полученных при озвучивании одним и тем же диктором одного и того же текста с разными коммуникативными установками [Долотин 2009]. Посредством анализа временных параметров имплицитной структуры речевого сигнала можно проводить экспериментальные исследования экстралингвистических факторов речи и интерпретировать их в терминах механизмов ее производства, поскольку «фундаментальным механизмом психической деятельности человека и животных является механизм временной связи корковых клеток, закономерно возникающей при их совместном функционировании» [Бойко 1964].

Ниже приведен алгоритм метода анализа экстралингвистических факторов речи (см. рисунок 1).

Рис. 1.

Анализ временных параметров имплицитной структуры речевого сигнала проводился посредством кластерного и факторного анализов (например, см. таблицы 1, 2, 3, 4).

Таблица 1					
Одномерный кластерный анализ массивов текущих значений параметра t_2 , характерных для речевых сигналов с заданным типом коммуникативной установки диктора. ($\{X_{ij}\}$ – массив центроидов одномерных кластеров (в мс), полученный при 7-ми реализациях типов коммуникативного задания в речевых сигналах 5-ти русских дикторов, женский голос)					
Типы коммуникативных заданий в речевом сигнале					
	Нейтральность	Приказ	Требование	Просьба	Мольба
Кластер 1	47	80	113	20	152
Кластер 2	102	141	66	210	26
Кластер 3	246	27	144	102	66
Кластер 4	151	111	85	58	26
Кластер 5	136	69	45	97	20
X_{ij} – текущее значение центроида, i – номер столбца, j – номер строки					

Таблица 2					
Одномерный кластерный анализ массивов текущих значений параметра t_2 , характерных для речевых сигналов с заданным типом коммуникативной установки диктора. ($\{X_{ij}\}$ – массив центроидов одномерных кластеров (в мс), полученный при 7-ми реализациях типов коммуникативного задания в речевых сигналах 3-х корейских дикторов, женский голос)					
Типы коммуникативных заданий в речевом сигнале					
	Нейтральность	Приказ	Требование	Просьба	мольба
Кластер 1	64	28	143	115	93
Кластер 2	115	60	145	87	29
Кластер 3	144	31	74	181	109
Кластер 4	153	32	97	67	124
Кластер 5	18	115	60	90	148
X_{ij} – текущее значение центроида, i – номер столбца, j – номер строки					

Факторный анализ речи дикторов.

Например, ниже приводится факторный анализ центроидов массива значений параметра – $\{t_2\}$.

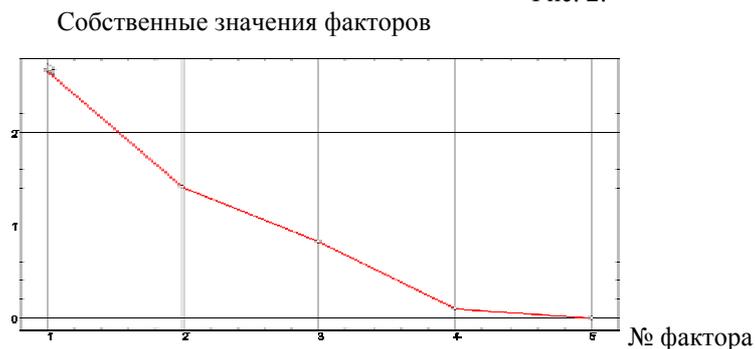
Таблица 3.

Собственные значения и процент объясняемой дисперсии факторов после вращения (7 реализаций, русский диктор, мужской голос).

Фактор: 1 2 3

Собств.зн.	2,497	1,325	1,079
Дисперс.	49,93	26,49	21,57
Накопл.	49,93	76,43	98

Рис. 2.

В таблице 3 приводятся результаты расчета собственных значений трех главных факторов, отражающих 98 % дисперсии объектов (типов коммуникативной установки диктора: нейтральной, приказа, требования, просьбы и мольбы) в пространстве координат независимых переменных (центроидов первого, второго, третьего, четвертого и пятого кластеров в выборках текущих значений параметра t_2).

На графике (рис. 1) видно, что первый и второй факторы объясняют 76,4 % общей дисперсии объектов в пространстве пяти независимых переменных – «центроидов 1, 2, 3, 4 и 5-го кластеров».

В таблице 4 приведены цифровые данные о величинах факторных нагрузок независимых переменных (центроидов 5-ти кластеров для массивов $\{t_2\}$).

Таблица 4.

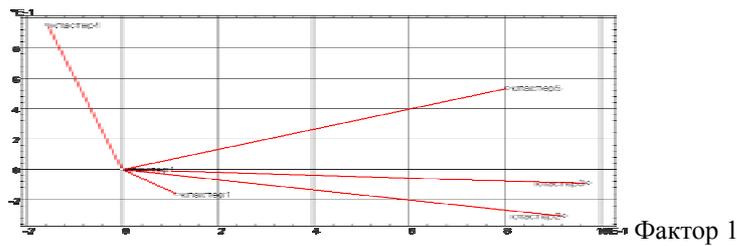
Факторные нагрузки независимых переменных факторного анализа.

Фактор:	1	2	3
кластер1	0,1178	-0,163	0,9769
кластер2	0,9241	-0,3062	-0,00022
кластер3	0,9757	-0,0904	0,1558
кластер4	-0,1561	0,9517	-0,2302
кластер5	0,8078	0,539	0,2169

Рис. 3.

Факторные нагрузки переменных
(центроидов кластеров массива $\{t_2\}$).

Фактор 2

Как видно, на рисунке 2 максимальная факторная нагрузка приходится на переменные: «центроиды кластеров 2 и 3» – по первому фактору и «центроида кластера 4» – по второму фактору.

На основании результатов факторного анализа имплицитных структур речевых сигналов с заданной коммуникативной установкой был разработан алгоритм кодирования/декодирования коммуникативных намерений дикторов в речевых сигналах, который можно представить следующим образом:

1. Первый этап кодирования связан с преобразованием массива текущих значений параметра $\{t_2\}$ в зоне слухового анализатора коры в многомерную пространственно-временную проекцию центроидов кластеров массива $\{t_2\} \rightarrow \{t_2'\}$.

2. Второй этап кодирования коммуникативных намерений дикторов в их речевых сигналах связан с трансформированием матрицы проекций центроидов предыдущего этапа $\{t_2'\}$ в две одномерные, упорядоченные по нарастанию величины, проекции центроидов t_2' с максимальной факторной нагрузкой: а) проекции t_2' , которые по величине меньше длительности рефрактерного периода и б) проекции, которые по величине больше длительности рефрактерного периода отделов коры слухового анализатора.

3. Третий этап процесса кодирования/декодирования коммуникативных намерений дикторов в речевых сигналах связан с формированием или поиском проекций стереотипов коммуникативных намерений диктора в области коры слухового анализатора.

По результатам количественной оценки значений t_2' в экспериментах по репродукции речевых сигналов с различным коммуникативным заданием в русской и корейской языковых системах для мужских и женских типов голоса было обнаружено, что в проекциях цен-

троидов группы «а» существует правило перехвата нервного возбуждения от центроида с минимальным значением величины на следующий, больший по величине центроид, если расстояние между ними меньше или равно 0,3 мс и отсутствие такого перехвата, если это расстояние равно или больше 1 мс.

В проекциях центроидов группы «б» было обнаружено правило, по которому возбуждение центроида с минимальным значением величины переходит на соседнюю проекцию центроида с большим значением величины, если расстояние между ними меньше или равно 20 мс, и не переходит, если это расстояние равно или больше 21,3 мс.

Таким образом, в первом приближении можно утверждать, что механизм кодирования/декодирования экстралингвистической информации в речевом сигнале связан: 1) с формированием двух одномерных проекций центроидов t_2' – «а» и «б» и 2) с активацией в этих проекциях центроидов с минимальным значением величины при наличии эффекта перехвата активности от центроида с меньшим значением величины к центроиду с большим значением величины.

По аналогии с предположением, высказанным В.В. Красных, «что когнитивное пространство человека ... может быть представлено в виде «магического шара», заполненной сферы, каждая точка которой имеет определенное множество векторов деятельности: вербальной, ментальной, физической, эмоциональной. Следовательно, воздействуя на сознание по одному из векторов, т.е. создавая возбуждение в какой-либо точке сферы, можно вызвать определенную реакцию, идущую из той же точки, но по другому вектору (вектору другой деятельности) ... Отсюда и коммуникативные типы высказываний и коммуникативная целенаправленность (виды воздействия)» [Красных 2001: 177], можно предположить, что центроиды t_2' кластеров с максимальными факторными нагрузками опосредованно в первом приближении характеризуют пространственную проекцию стереотипов коммуникативных намерений говорящих, стереотипов коммуникативных заданий и эмоциональных окрасок высказывания.

Значимая статистика однофакторного дисперсионного анализа параметра t_2 в первом приближении позволяет связать рост его средневыборочных значений в речевых сигналах с ростом общей эмоциональной напряженности дикторов в процессе речевой коммуникации. Например, в нашем эксперименте у русских дикторов-женщин их эмоциональная напряженность нарастает при репродуцировании им в речевых сигналах коммуникативных заданий от повелительности до требования, а у корейских – при репродуцировании им в речевых сигналах коммуникативных заданий от нейтральности до мольбы.

Л и т е р а т у р а

- Бойко Е.И.* Время реакции человека. Академия медицинских наук СССР. / Отв. ред. В.Д. Быков. М.: Издательство «Медицина», 1964.
- Долотин К.И.* К проблеме диагностики коммуникативных намерений говорящих по параметрам имплицитных структур речевого сигнала // Человек в зеркале языка. Книга 4: Сб. статей, посвященный 80-летию со дня смерти И.А. Бодуэна де Куртенэ. М. 2009.
- Красных В.В.* Основы психолингвистики и теории коммуникации. М., 2001.
- Златоустова Л.В.* Фонетические единицы русской речи. М., 1981.
- Якобсон Р., Фант Г.М., Хале М.* Введение в анализ речи // Новое в лингвистике. Выпуск II. М., 1962.

Отражение образа мира во внутренней форме иероглифического письма

© Янь Кай, 2012

(КНР, ст.преп. МУЦА, аспирант МГУ имени М.В. Ломоносова)

«Как известно, ни в окружающей нас действительности, ни в нас самих ничто не возникает из ничего и, хочется верить, не исчезает бесследно» [3: 7].

«Люди – это высшие из живых существ, использующие знаки. Разумеется, не только люди, но и животные реагируют на некоторые вещи как знаки чего-то другого, но также знаки не достигают той сложности и совершенства, которые обнаруживаются в человеческой речи, письме, искусстве, контрольных приборах, медицинской диагностике, сигнальных устройствах» [10: 37].

«Обретение и передача смысла являются важнейшими признаками человека разумного. Определение того, что есть смысл, относится к числу центральных проблем гуманитарных областей знания. Лингвистика традиционно решает эту проблему, устанавливая отличия между значением как закрепленным в содержании языкового знака коллективным символическим освоением того или иного фрагмента действительности, и смыслом как выделением личностно-значимых и ситуативно-актуальных характеристик окружающего мира» [2: 5].

Мы живем в сложном информационном мире, создающемся знаками. Знак нам несёт информацию. И эти информационные знаки активно действуют и функционируют в обществе и естественной природе, а также в мышлении и психологии человека. Наука, которая изучает знаки и знаковые системы, – *семиотика*.

«Интересы семиотики как науки распространяются на человеческую коммуникацию (в том числе при помощи естественного языка), общение животных, информационные и социальные процессы, функционирование и развитие культуры, все виды искусства, процессы подсознательного и т. д.» [5: 3].

По словам Ф. де Соссюра, «язык – это семиотическая система». Слова как базисные знаки лингвосемиотических систем называют, обозначают и сохраняют что-либо. Иероглиф как единица базисно-маркированного языкового знака фиксирует образ предмета, входит в систему письма.

Как говорил А.А. Реформатский, письмо относится к величайшим изобретениям человечества. Письмо помогает людям общаться в тех случаях, когда общение звуковым языком или невозможно, или затруд-

нительно. «Происхождение письма следует относить к тем эпохам, когда у говорящих людей появилась потребность преодолевать в связи с более сложными общественными отношениями пространство для взаимоотношений с отдаленными членами рода или с другими племенами и для увековечивания чего-либо во временах» [1: 347].

«Произошло это в эпоху разложения первобытно-родового строя и образования первых государств. Именно в этот период человеческой истории расширяются производство и торговля, между государствами заключаются военные, экономические и политические договоры, устанавливаются законы, формируются религии, пробуждается интерес к своей истории человеку прошлому и т. п. Письмо в этих условиях оказывается крайне необходимым. Его появление связано с необходимостью повысить эффективность выполнения основной функции языка – коммуникативной» [7: 164-165].

Н.Ф. Алефиренко в книге «Теория языка» выделил на этой основе следующие типы письма:

1. фразографию, основной графической единицей которой служит фразограмма – письмо-рисунок;
2. логографию, основная графическая единица – логограмма, или идеограмма, иероглиф;
3. силлабографию, графический знак, который является силлабограммой (письмо слогами);
4. фонемографию, или фонографию, графический знак – фонемограмма, или фонограмма (буквенно-звуковое письмо).

Данная типология письма ориентирована на объект графического обозначения. Существует также иная, традиционная типология, которая содержит три основных типа письма – пиктографическое, идеографическое, фонетическое или звуковое [7: 165].

«Минимальными единицами идеографии являются минимальные графические компоненты, обладающие семантической значимостью» [4: 129].

«Иероглифическое письмо представляет собой в структурном плане две макросистемы: идеографию и фонографию. Эти понятия отражают способ реализации отношения, иероглиф – слово; характеризуют то, в какой степени отражаются план выражения и план содержания единицы звукового языка, фиксируемой иероглифом. Если в буквенных системах письма графическая номинация строится на основе установления связи “звук – буква – значение”. Иероглифическая же номинация устанавливает связь “знак – значение”» [4: 129].

«Китайское письмо зародилось в середине 2-го тыс. до н. э. Найдены кости и черепашьи щиты с иероглифическими начертаниями, относящимися XIII-XI векам до н. э. Основная графическая единица ки-

тайского письма – иероглиф – он соотносится с тонированным слогом, являющимся типичным экспонентом морфемы, которая в свою очередь, часто совпадает в своих границах со словом» [6: 173-174].

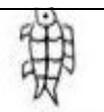
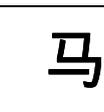
«Иероглифическое письмо китайского языка обладает рядом специфических особенностей, которые делают чрезвычайно сложной для овладения не только её саму, но и весь процесс обучения языку в целом, который становится чрезвычайно трудоемким и недостаточно эффективным» [4: 127].

Китайские иероглифы восходят к рисункам. Пройдя длинную историю с древних времен до нынешних дней, начертание иероглифов претерпело заметные изменения. «Объектом нашего исследования является внутренняя форма китайского иероглифа. Внутренняя форма слова – это значение мотивированного слова, которое создается значением входящих в него морфем. А внутренняя форма языка – это своего рода общая “духовная настроенность говорящих на одном языке”. И только внутренняя форма языка “ответственная” за то, что “энергия языка”, т. е. “постоянная работа духа, направленная на то, чтобы сделать артикулируемый звук пригодным для выражения мысли”, протекает именно в том направлении, а не иначе, выбирает именно те средства, а не другие: “постоянное и единообразное в этой деятельности духа, возвышающей членораздельный звук до выражения мысли, взятое во всей совокупности своих связей и систематичности, и составляет форму языка”. При этом В. фон Гумбольдт подчеркивает национальное своеобразие этой деятельности, утверждая, что внутренняя форма языка “представляет собой сугубо индивидуальный порыв, посредством которого тот или иной народ воплощает в языке свои мысли и чувства”. Это позволяет сделать вывод о том, что “языки всегда имеют национальную форму, являясь непосредственно и собственно национальным творением”» [9: 109].

Мы выделили 2 группы иероглифов.

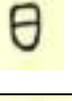
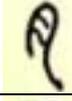
Первая группа – иероглифы, через которые начертание отражает образ предмета. Внутри первой группы мы классифицировали 4 подгруппы.

Первую подгруппу составляют иероглифы, обозначающие животных. Мы ассоциируем с их иероглифическим изображением внешний вид предмета, его поведение, например:

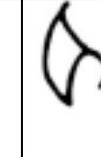
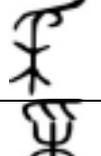
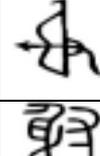
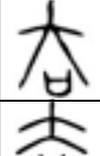
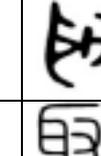
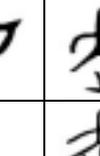
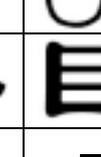
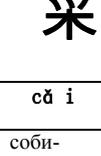
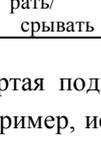
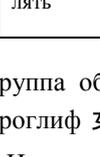
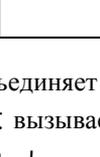
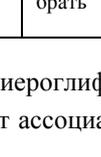
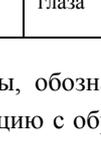
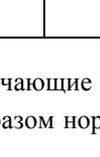
Образ предмета:						
Иероглифическое письмо на костях и черепаших панцирях						
Цзиньвень						
Сяожуань						
Лишу						
Кайшу (Начертание упрощенного иероглифа)						
Произношение	lóng	niǎo	yú	hǔ	mǎ	yáng
Перевод	дракон	птица	рыба	тигр	лошадь	баран

Во вторую подгруппу входят иероглифы, обозначающие природные явления. Мы ассоциируем внешний образ предмета или природные изменения с иероглифическим изображением таковых.

Например, глядя на иероглиф 风, мы представляем образ, когда дует ветер, реют листья. Следующая таблица позволяет утверждать, что начертание иероглифа действительно напоминает образ изменения природы, например:

Образ предмета						
Иероглифическое письмо на костях и черепаших панцирях (Цзягувэнь)						
Цинвен						
Сяожуань						
Лишу						
Кайшу (Начертание упрощенного иероглифа)						
Произношение	rì	yuè	shā n	yǔ	fē ng	mù
Перевод	Солнце/ день/ число	луна/ месяц	гор	дождь	ветер	дерево

Третья подгруппа формируется иероглифами, которые обозначают действия. Например, иероглиф 采: его верхняя часть – рука, нижняя часть – это дерево, на котором растут ягоды. И значение этого иероглифа ‘человек собирает ягоды’, например:

Образ предмета						
Иероглифическое письмо на костях и черепаших панцирях (Цзягувэнь)						
Цзиньвэнь						
Сяожуань						
Лишу						
Кайшу (Начертание упрощенного иероглифа)						
Произношение	cǎi	shè	qù	qǔ	mù	zǒu
Перевод	собирать/ срывать	стрелять	идти	взять брать	смотреть/ глаза	ходить

Четвертая подгруппа объединяет иероглифы, обозначающие человека. Например, иероглиф 女 вызывает ассоциацию с образом нормы поведения женщины. Иероглиф 人 в древние времена отражал, как человек работал на поле, поэтому его изображение похоже на согнувшегося, наклонившегося к земле человека, например:

Образ предмета						
Иероглифическое письмо на костях и черепаших панцирях						
Цзиньвэнь						
Сяожуань						
Лишу						
Кайшу (Начертание упрощенного иероглифа)						
Произношение	rén	nǚ	nán	ér	zhòng	dì
Перевод	человек	женщина	мужчина	ребенок	масса людей	император

Итак, мы здесь видим, что образ мира отражается в китайской иероглифической системе через изображение иероглифа, с которым мы ассоциируем различные предметы и природные явления.

Вторая группа – это иероглифы, которые называются «фоносемантическими», или «фонетико-идеографическими», символами. Это самая большая категория среди современных иероглифов китайского языка (больше 90%). Обычно состоят из двух частей, одна из которых передает смысл, значение иероглифа, а другая – звучание. Среди них мы выделили 5 подгрупп по признаку начертания иероглифов.

1. Первая подгруппа:

	Иероглиф	Значение	Произношение
1	吃	есть	Chī
2	喝	пить	hē
3	唱	петь	Chàng

Эти иероглифы состоят из 2 частей: левой и правой. Они имеют общий ключ “口”, который означает ‘рот’. Представим образ, когда мы едим, пьем и поем с помощью рта, т. е. когда мы видим ключ “口”, возникает ассоциация с семой ‘рот’.

2. Вторая подгруппа:

	Иероглиф	Значение	Произношение
1	语	язык	yǔ
2	说	говорить	Shuō
3	话	речь	huà

У этих иероглифов имеются 2 компонента: левая часть и правая часть. Но у них есть общий ключ “讠”, его сема связана с *языком* или *речью*, так как для говорения и речи необходим язык. Значит, мы через сему ‘讠’ мы ассоциируем эти иероглифы с языком или речью.

3. Третья подгруппа:

	Иероглиф	Значение	Произношение
1	提	поднимать/нести	tí
2	拉	тянуть/тащить	lā
3	扔	бросать/кидать	rēng

Эти иероглифы по морфологическим свойствам являются глаголами; по внешнему облику мы видим, что у них есть общий ключ “扌” – *рука*. Так как человек что-то поднимает, тащит или бросает с помощью руки, мы через сему ‘扌’ мы ассоциируем глагол с действием, которое производится рукой.

4. Четвертая подгруппа:

	Иероглиф	Значение	Произношение
1	病	болезнь	bì ng
2	癌	рак	ái
3	痛	болеть/больно	tòng

Как мы видим, эти 3 иероглифа являются сложными знаками. Но у них также имеется общий ключ “疒”, связанный с болезнью. Поэтому слова *болезнь*, *рак* и *больно* имеют общее значение ‘болеть’.

5. Пятая подгруппа:

	Иероглиф	Значение	Произношение
1	眼	глаза	yǎ n
2	瞪	таращить глаза	dèng
3	睁	раскрыть глаза	zhē ng

Эти иероглифы состоят из 2 частей: левой и правой. Левая часть “目” является общей семой иероглифов, которые мы ассоциируем с глазами.

И здесь мы видим, что иероглиф имеет внутреннюю форму, через которую мы ассоциируем его образ с действиями, образами предметов и т. д. Как говорил А.А. Потеня, «внутренняя форма слова есть отношение содержания мысли к сознанию, она показывает, как представляется человеку его собственная мысль» (цит. по: [8: 142]).

Итак, подводя итоги, можно сказать следующее.

1. Иероглиф – это лингвокультурема, которая помогает нам раскрывать специфическую лингвокультурологическую картину мира и понять менталитет носителей данного языка, так как в иероглифе заложена история и культура данного народа.

2. Китайское иероглифическое письмо, как и все известные виды письма, «обслуживает» свой язык. Но иероглифы значительно отличаются от знаков-букв алфавита. Главным отличием иероглифов от знаков буквенного или слогового фонетического письма является то, что иероглиф – это картинка, как текст искусства создает образ мира, отражает рациональный способ познания. И знак китайского письма передает когнитивное значение. Он несёт когницию через свое начертание, благодаря его сигнификативному значению мы можем увидеть стереотип-

ный образ, с которым ассоциируется данный иероглиф.

3. Отметим, что при обучении китайскому языку как иностранному, чтобы студенты постигли китайский образ мира, разным студентам необходимо предложить различные приёмы освоения языкового материала: объяснение иероглифов через внутреннюю форму, система упражнений по написанию иероглифов, домашнее чтение, написание сочинений, диктанты, различные виды работы с лингвокультурологическим и лингвострановедческим материалом в коммуникативном пространстве.

Л и т е р а т у р а

1. *Реформатский А.А.* Введение в языковедение. М., 2008.
2. *Карасик В.И.* Языковая кристаллизация смысла. М., 2010.
3. *Зиновьева Е.И., Юрков Е.Е.* Лингвокультурология. СПб, 2009.
4. *Кочергин И.В.* Очерки лингводидактики китайского языка. М., 2006. 2010.
5. *Лаенко Л.В.* Введение в семиотику. Воронеж, 2005.
6. *Шарафутдинова Н.С.* Теория и история лингвистической науки. М., 2007.
7. *Алефиренко Н.Ф.* Теория языка, вводный курс. М., 2010.
8. *Алефиренко Н.Ф.* Лингвокультурология, ценностно-смысловое пространство языка. М., 2012.
9. *Радбиль Т.Б.* Основы изучения языкового менталитета. М., 2010.
10. Семиотика. / Под редакцией Ю.С. Степанова, М., 1983.

ЛИНГВОДИДАКТИКА

Лингводидактические аспекты словообразования русских наречий

© *И.В. Коллегова, 2012*
(аспирант МГУ имени М.В. Ломоносова)

Безусловно, работа над словообразованием является одним из важнейших аспектов в обучении любому языку. Однако здесь необходимо учитывать специфику адресата – носителя языка или инофона. При обучении русскому языку как родному под словообразовательным анализом понимается установление словообразовательной мотивированности, а именно – выявление словообразовательной структуры слова и определение способа образования производного слова. В обучении же иностранных учащихся дело обстоит иначе: главной целью словообразовательного анализа является определение семантики производного слова. При этом «учащиеся должны не только понять и запомнить новые слова, но и освоить их настолько, чтобы, во-первых, использовать их во всех видах речевой деятельности <...>, а во-вторых, использовать их в качестве источника для развития своего потенциального словаря [Плотникова 2011: 93].

Наиболее актуальными для описания словообразования в лингводидактическом плане являются следующие принципы: 1) системность; 2) функциональная направленность; 3) синхронно-диахронный подход; 4) соотношение семасиологического и ономасиологического описания производных слов. Следование данным принципам необходимо при выделении словообразовательных единиц и при отборе словообразовательного материала для учебного процесса [Плотникова 2011: 27].

В настоящее время как в лингвистической теории, так и в практике преподавания русского языка как иностранного наблюдается некая асимметрия, выражающаяся в недостаточной изученности и слабой методической разработанности словообразования русских наречий по сравнению со степенью изученности деривационного потенциала других категориальных классов слов, таких, как имена и глаголы. Таким образом, наречие оказывается «на периферии внимания как лингвистов-теоретиков, так и преподавателей-практиков» [Панков 2007: 175]. Поэтому считаем необходимым лингводидактическое изучение словообразовательной структуры русских наречий.

Производные слова являются высокоорганизованной частью русской лексики: «они входят в словообразовательные пары, на базе которых, с одной стороны, формируются словообразовательные модели и словообразовательные типы, а с другой – словообразовательные цепочки и словообразовательные парадигмы, составляющие словообразовательные гнезда» [Красильникова 2011: 214].

Словообразовательная модель выступает в качестве основной единицы обучения русскому словообразованию, она является своеобразным образцом, по которому строятся русские слова. На занятиях очень важно показывать учащимся такие модели, так как «понимание строения слова, умение выводить значение из входящих в слово элементов даёт возможность быстро понимать – особенно письменный текст – и грамотно писать» [Акишина 2010: 151]. Знание словообразовательных моделей помогает студентам не только запоминать новые слова, но и способствует расширению их потенциального словаря.

Проанализировав данные лексических минимумов по русскому языку как иностранному I и II сертификационных уровней [Лексический минимум. Первый сертификационный уровень 2005; Лексический минимум. Второй сертификационный уровень 2011], мы пришли к выводу о том, что самыми продуктивными на данных уровнях владения русским языком являются модели образования деадъективных наречий, но представлены также и модели десубстантивных, деадвербиальных, депрономинальных, денумеральных и деадвербиально-партикулярных лексем. Опираясь на морфосинтаксические типы русских наречий, выделенные в [Панков 2007], представим данные модели, а также приведём примеры лексем, образованных по данным моделям:

1) $c-N_p$, т. е. из сочетания предлога (префикса) $c-$ с формой родительного падежа имени существительного:

– $c-N_{p\ sg}$, т. е. из сочетания предлога (префикса) $c-$ с формой родительного падежа имени существительного в единственном числе:

✓ $c-N_{p\ sg\ m}$, т. е. из сочетания предлога (префикса) $c-$ с формой родительного падежа имени существительного в единственном числе мужского рода: *сверху, снизу, сразу*.

2) $в-N_b$, т. е. из сочетания предлога (префикса) $в-$ с формой винительного падежа имени существительного:

– $в-N_{b\ sg}$, т. е. из сочетания предлога (префикса) $в-$ с формой винительного падежа имени существительного в единственном числе:

✓ $в-N_{b\ sg\ m}$, т. е. из сочетания предлога (префикса) $в-$ ($во-$) с формой винительного падежа имени существитель-

ного мужского рода в единственном числе: *вверх, вниз, во-круг, вперёд*.

3) $\text{в-}+\text{N}_{\text{п}}$, т. е. из сочетания предлога (префикса) *в-* с формой предложного (или местного) падежа имени существительного:

– $\text{в-}+\text{N}_{\text{п sing}}$, т. е. из сочетания предлога (префикса) *в-* с формой предложного (или местного) падежа имени существительного в единственном числе:

✓ $\text{в-}+\text{N}_{\text{п sing m}}$, т. е. из сочетания предлога (префикса) *в-* с формой предложного (или местного) падежа имени существительного мужского рода в единственном числе: *вверху, внизу*.

✓ $\text{в-}+\text{N}_{\text{п sing f}}$, т. е. из сочетания предлога (префикса) *в-* с формой предложного (или местного) падежа имени существительного женского рода в единственном числе: *внутри, впереди*.

✓ $\text{в-}+\text{N}_{\text{п sing n}}$, т. е. из сочетания предлога (префикса) *в-* с формой предложного (или местного) падежа имени существительного среднего рода в единственном числе: *вместе, вначале*.

4) $\text{на-}+\text{N}_{\text{п}}$, т. е. из сочетания предлога (префикса) *на-* с формой предложного падежа имени существительного:

– $\text{на-}+\text{N}_{\text{п m}}$, т. е. из сочетания предлога (префикса) *на-* с формой предложного падежа имени существительного мужского рода: *наверху*.

5) Adj^+-o , т. е. из сочетания основы имени прилагательного самых разных семантических разрядов с суффиксом *-о*:

– $\text{Adj}_{\text{temp}}^+-\text{o}$, т. е. их сочетания основы темпорального имени прилагательного с суффиксом *-о*: *быстро, долго, медленно, поздно, рано, редко, скоро, часто*.

– $\text{Adj}_{\text{loc}}^+-\text{o}$, т. е. их сочетания основы локативного имени прилагательного с суффиксом *-о*: *близко, высоко, далеко, низко*.

– $\text{Adj}_{\text{оцен}}^+-\text{o}$, т. е. их сочетания основы оценочного имени прилагательного с суффиксом *-о*: *замечательно, плохо, ужасно, хорошо*.

6) $\text{Adj}^+-\text{и}$, т. е. из сочетания основы имени прилагательного самых разных семантических разрядов (на *-ск* и *-цк*) с суффиксом *-и*:

– от прилагательных на *-ск*: *героически, критически, политически, периодически, практически, психологически, систематически, теоретически, трагически, физически*.

7) $\text{по-Adj}^+-\text{и}$, т. е. из сочетания предлога (префикса) *по-* с основой имени прилагательного (обычно семантически называющего нацио-

нальность) + суффикс *-и*: *по-русски, по-немецки, по-английски, по-французски, по-китайски*.

8) *по-Adj+о-му(-ему)*, т. е. из сочетания предлога (префикса) *по-* с основной имени прилагательного + суффикс *-о-му(-ему)*: *по-прежнему, по-разному*.

9) *не-+Adv*, т. е. из сочетания отрицательной частицы (префикса) *не-* с наречиями: *немедленно, недавно, некогда, негде, некуда*.

10) *ни-+Adv*, т. е. из сочетания отрицательной частицы (префикса) *ни-* с наречиями: *никогда, нигде, никуда, никак, ниоткуда*.

11) *кое-Adv*, т. е. из сочетания частицы (префикса) *кое-* с наречием: *кое-где, кое-когда, кое-куда, кое-как*.

12) *от-+Adv*, т. е. из сочетания предлога (префикса) *от-* с наречием: *откуда, оттуда, отсюда, отовсюду*.

14) *по-Prop+о-му(-ему)*, т. е. из сочетания предлога (выступающего в адвербиальной лексеме как префикс) *по-* с основой притяжательного местоимения + суффикс *-о-му(-ему)*: *по-моему, по-твоему, по-нашему*.

15) *Num+жды*, т. е. от основ количественных числительных с суффиксом *-жды* для обозначения кратности: *однажды, дважды, трижды*.

16) *в-+Num_п*, т. е. из сочетания предлога (префикса) *в-* с собирательным числительным в предложном падеже: *вдвоём, втроём*.

17) *Adv-то*, т. е. из сочетания наречия с частицей *-то* (выступающей в адвербиальной лексеме как суффикс): *когда-то, как-то, где-то, откуда-то, зачем-то, почему-то, отчего-то*.

18) *Adv-нибудь*, т. е. из сочетания наречия с частицей *-нибудь* (выступающей в адвербиальной лексеме как суффикс): *когда-нибудь, зачем-нибудь, куда-нибудь, как-нибудь*.

19) *Adv-либо*, т. е. из сочетания наречия с частицей *-либо* (выступающей в адвербиальной лексеме как суффикс): *когда-либо, где-либо, куда-либо*.

20) *кое-Adv*, т. е. из сочетания частицы (префикса) *кое-* с наречием: *кое-как, кое-где, кое-куда*.

Особо следует выделить модель *Adj+-о*, т. е. из сочетания основы имени прилагательного самых разных семантических разрядов с суффиксом *-о* (*быстро, долго, высоко, плохо, грязно* и др.), так как данная модель является одной из самых продуктивных и охватывает все уровни владения русским языком.

В ходе словообразовательного анализа адвербиальных лексем является их семантика. Например, учащийся без труда сможет определить значение наречия *полезно*, зная, что оно образовано от ранее ему

известного прилагательного *полезный* по модели Adj+-o, т. е. из сочетания основы имени прилагательного с суффиксом -o. А изучив и запомнив данную модель, на первом сертификационном уровне студент без труда сможет выявить и то, что, например, наречия *скучно, прохладно, регулярно* были соответственно образованы от прилагательных *скучный, прохладный* и *регулярный*, хотя данные прилагательные и не входят в лексический минимум этого уровня [Лексический минимум. Первый сертификационный уровень 2005]. Таким образом, мы видим, что работа со словообразовательными моделями способствует развитию навыка языковой догадки, формированию пассивного словаря учащихся.

Составление формальных моделей помогает усовершенствовать, сделать более эффективной методику обучения русской адвербиальной лексике. Работа со словообразовательными моделями наречий (а также других категориальных классов слов) поможет иностранным студентам справиться с лексическими трудностями, возникающими в процессе изучения русского языка, а также создаст основу для развития навыков и умений во всех видах речевой деятельности.

Л и т е р а т у р а

1. Акишина А.А., Каган О.Е. Учимся учить. Для преподавателя русского языка как иностранного. 7-е изд. М.: Русский язык. Курсы, 2010.
2. Красильникова Л.В. Словообразовательный компонент коммуникативной компетенции иностранных учащихся-филологов: На материале суффиксальных существительных: Монография. – М.: МАКС Пресс, 2011.
3. Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Второй сертификационный уровень. Общее владение / Н.П. Андрияшина, И.Н. Афанасьева, Г.А. Битехтина и др. 3-е изд. СПб.: Златоуст, 2011.
4. Лексический минимум по русскому языку как иностранному. Первый сертификационный уровень. Общее владение / Н.П. Андрияшина, И.Н. Афанасьева, Г.А. Битехтина и др. 3-е изд., испр. М.-СПб.: ЦМО МГУ-Златоуст, 2005.
5. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990.
6. Панков Ф.И. Морфо-синтаксические типы русских наречий // Лінгвістичні студії: Зб. наук. праць. Випуск 15 / Укл.: Анатолій Загнітко (наук. ред.) та ін. Донецьк: ДонНУ, 2007. С. 174-182.
7. Плотникова Г.Н. Лингвометодические основы обучения русскому словообразованию. Изд. 2-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011.